

ЛІНГВІСТИКА
ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЯ

Збірник наукових праць

Том 8

2015-2016

ISSN 2409 3238

Міністерство освіти і науки України
Дніпропетровський національний університет
імені Олеся Гончара

ЛІНГВІСТИКА

ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЯ

Збірник наукових праць

Том 8

Дніпропетровськ

2015-2016

УДК 811(082)

ББК 81:0; я 5

Л 59

*Друкується за рекомендацією Вченої ради
факультету української й іноземної філології та мистецтвознавства
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара
(протокол № 6 від 26.02.2016 р.)*

Рецензенти:

д-р філол. наук, проф. **Горпинич В. О.** (Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара);

д-р філол. наук, проф. **Приходько А. М.** (Запорізький державний технічний університет);

Редакційна колегія: д-р філол. наук, проф. **Ю. О. Шепель** (відп. ред.), д-р філол. наук, проф. **О. І. Панченко** (заст. відп. ред.); д-р філол. наук, проф. **В. В. Зірка**; д-р філол. наук, проф. **В. І. Ліпіна**; д-р філол. наук, проф. **Н. В. Підмогильна**; д-р філол. наук, проф. **І. І. Меньшиков**; д-р філол. наук, проф. **Г. В. Ходоренко**, д-р філол. наук, проф. **Т. В. Філат**; д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко**; д-р філол. наук, проф. **В. А. Глуценко**; д-р філол. наук, проф. **О. Лецак** (Польща); д-р філол. наук, проф. **В. А. Маслова** (Білорусь), канд. філол. наук, доц. **Д. П. Амічба** (відп. секр.).

Л 59 *Лінгвістика. Лінгвокультурологія* : зб. наук. пр. / редкол. : Ю. О. Шепель (відп. ред.) та ін. – Дніпропетровськ : Біла К. О., 2016. – Т. 8. – 119 с.

Розглядаються актуальні проблеми сучасної лінгвістики, теоретичні аспекти когнітивної лінгвістики, прагмалінгвістики, лінгвокультурології, етнолінгвістики, лінгвістики тексту.

Рассматриваются актуальные проблемы современной лингвистики, теоретические аспекты когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, лингвистики текста.

The urgent problems of modern linguistics, theoretical aspects of cognitive linguistics, pragmalinguistics, linguoculturology, ethnolinguistics, text linguistics are regarded.

УДК 811(082)

ББК 81:0; я 5

ЗМІСТ

- 1. Амичба Д. П.** (Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина)
«СВЕТ» / «ТЬМА» В «ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ» МЕНТАЛЬНЫХ ОБРАЗАХ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....
- 2. Беликова Е. В., Мартынова И. Е., Черногорская Н. Г. Дытюк С. А.** (Харьковский национальный университет строительства и архитектуры, Украина)
ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....
- 3. Давыденко Ю.Е, Кушнир Л. В.**
(Приднепровская государственная академия строительства и архитектуры, Украина)
КРОССКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.....
- 4. Дембовская Л.М.** (Межрегиональная академия управления персоналом); **Козина Я.Н.** (Специализированная школа № 159, Киев, Украина)
КОМПОЗИТНЫЕ ЛЕКСЕМЫ Д. Р. КИПЛИНГА ДЛЯ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА,.....
- 5. Букреева Л. Л., Диденко Н. Н.** (Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Украина)
СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОГО ЮМОРА И СПОСОБЫ ЕГО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ (на материале

произведения Дитера Нура «Gibt es intelligentes Leben?»).....

**6. Макаренко А. Г. (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
МИСТЕЦТВО КИЇВСЬКОЇ РУСИ.....**

**7. Панченко С. А. (Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара, Украина)
РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ТЕЛЕДИСКУРС В МАТРИЦЕ
ДИСКУРСОВ РУССКОГО ЯЗЫКА.....**

**8. Перехейда В. В. (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
ФОРМУВАННЯ У СТУДЕНТІВ МОВНОЇ
КУЛЬТУРИ.....**

**9. Поляковская Ю. В. (Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара, Украина)
ОСОБЕННОСТИ ИДИОДИСКУРСА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.....**

**10. Рожченко З. (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)
КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ
ФОНЕТИКИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ
ПРИ УСВОЕНИИ КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ
АРТИКУЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ РУССКОГО ЯЗЫКА.....**

**11. Шепель Ю. А. (Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара, Украина)
О ПРЕДЕЛЕ ВАРЬИРОВАНИЯ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИНОНИМИИ
(на материале русского, украинского и английского языков).....**

CONTENT

1. Amichba D. P.

(Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine)

“LIGHT”/”DARKNESS IN THE “UNIVERSAL” MENTAL IMAGES: ETYMOLOGICAL ASPEKT.....

2. Belikova H.V., Martynov Yvette E.

Chernogorskaya N. G., Dytyuk S.A.

(Kharkiv National University of Construction and Architecture, Ukraine)

METHODS OF FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS OF ENGINEERING SPECIALTIES

3. Davydenko I. E., Kushnir L. V.

(Prydniprovs’k State Academy of Civil Engineering and Architecture, Ukraine)

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AS THE WAY OF LANGUAGE PERCEPTION OF THE WORLD

4. Dembovska L. M. (Interregional Academy of Personnel Management), **Kozina Ya.M.** (Specialist school № 159, Kyiv, Ukraine)

D. R. KIPLING’S COMPOUND LEXEMES FOR VERBALIZATION OF HUMAN’S SOCIAL PROBLEMS

5. Bukreeva L.L. , Didenko N. N. (Mechnikov national university of Odessa, Ukraine)

SPECIFICS OF GERMAN HUMOR AND THE WAY OF ITS TRANSLATION (based on the work of Dieter Nuhr «Gibt es intelligentes Leben?»)

6. **Makarenko A. G.**(Taras Shevchenko's KNU preparatory faculty, Ukraine)
KYIVAN'S RUS ART
7. **Panchenko S. A.** (Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine)
ENTERTAINING TV DISCOURSE IN THE RUSSIAN DISCOURSE MATRIX.....
8. **Pereheyda V.V.** (Taras Shevchenko Kyiv National University, Ukraine)
FORMIND STUDENTS' LANGUAGE CULTUR.....
9. **Poliakovska J.V.** (Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine)
SOME PECULARITIES OF DOSTOEVSKY`S IDIODISCOURSE.....
10. **Shepel Yu. A.** (Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine)
ABOUT THE LIMITS OF VARIATION THE DERIVATIONAL SYNONYMS (based on the Russian, Ukrainian and English languages)

УДК 372.881`373.614

**К. филол. н., доц. Амичба Д. П.
Днепропетровский национальный университет имени
Олеся Гончара, Украина
«СВЕТ» / «ТЬМА» В «ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ»
МЕНТАЛЬНЫХ ОБРАЗАХ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

**К. філол. н., доц. Амічба Д. П.
Дніпропетровський національний університет імені
О. Гончара, Україна
«СВІТЛО» / «ТЕМРЯВА» У «ЗАГАЛЬНОЛЮДСЬКИХ»
МЕНТАЛЬНИХ ОБРАЗАХ: ЕТИМОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ.
Candidate of Science (Philology),
docent Amichba D. P.
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine
“LIGT”/”DARKNESS IN THE “UNIVERSAL” MENTAL
IMAGES: ETYMOLOGICAL ASPEKT**

В статье описываются и анализируются в сравнительно-сопоставительном аспекте фразеологические модели с базовыми концептами-конструктами «Свет» / «Тьма». Опираясь на этимологические данные, автор статьи заключает, что «Свет» / «Тьма» так же, как и «Рай» / «Ад», сфокусировали в себе «общечеловеческие» метафорически структурированные ментальные образы. В работе сделаны выводы, согласно которым амбивалентные образы «Света» и «Тьмы» одинаково значимы и ценны для структуризации языковой картины мира русских, абхазов и крымских татар.

***Ключевые слова:** сравнительно-сопоставительный, фразеологическая модель, концепт-конструкт, ментальные образы*

У статті описуються та аналізуються в порівняльно-зіставному аспекті фразеологічні моделі з базовими концептами-конструктами «Світло»/ «Темрява». Спираючись на етимологічні дані, автор статті помічає, що «Світло»/ «Темрява» так само, як «Рай»/ «Пекло», сфокусували в собі «загальнолюдські» метафорично структуровані ментальні образи. У роботі зроблені висновки, згідно з якими амбівалентні образи «Світло» і «Темрява» однаково значущі

та цінні для структуризації мовної картини світу росіян, абхазів та кримських татар.

***Ключові слова:** порівняльно-зіставний аспект, фразеологічні моделі, концепт-конструкт, ментальні образи.*

The article deals with the description and analysis of phraseological models with the fundamental concepts-constructs “Light”/”Darkness” in the comparative-contrastive aspect. Basing on the etymological data, the author of the article states that “Light”/”Darkness” as well as “Paradise” /”Hell” implied “the universal” metaphorically structured mental images. According to the conclusions made in the paper under review the ambivalent images of the “Light” and “Darkness” have the same importance and value for the structuration of the linguistic view of the world of the Russians, the Abkhazians and the Crimean Tatars.

***Keyword:** comparative-contrastive aspect, phraseological models, concepts-constructs, mental images.*

Актуальность исследования. Исследования глубинных структурированных ментальных образов универсальных, «общечеловеческих» значений и смыслов, которые не утратили своей актуальности в силу многоаспектности проблем, была и остаётся объектом и предметом изучения этнолингвистической, лингвокультурологической научных парадигм [1].

Цель данной статьи: описать «общечеловеческие» концепты-конструкты «Свет» / «Тьма» в русской, абхазской, крымскотатарской лингвоментальной образности. **Задача:** сравнить и сопоставить, используя этимологические данные, ментальные поля указанных концептов - конструктов в языке и культуре русских, абхазов и крымских татар.

Изложение основного материала. Каждый человек, завершая свой земной путь, готовится к встрече с Всевышним. Трудно, думается, найти такого, который не задумывался бы над смыслом своей жизни. И нет, наверное, человека, который не живёт без надежды на лучшую долю для себя и близких. Ведь что такое «Доля». Согласно Б. Д. Гринченко, под словом «доля» в украинском языке понимается «участь», «удел», «жребий», «судьба» [2, т. 1,

с . 419]. Этимологически «доля» в языках интерпретируется так: «... Украинское *до́ля*, польское *dola*. Сюда же одолéть, старославянское одолѣти и т. д» Принято считать, что указанное слово родственно таким языкам, как литовскому «*dalià, dalis* "часть, доля", латышскому *dalīa, dalis*, древнепрусскому *dellieis* и т. д., повелительному "дели", древнеиндийскому *dalam* "кусочек, часть, половина", *dálati* "трескается, разрывается", латинскому *dolāre* "обтесывать, обрабатывать", средненижненемецким *tol, tolle* "ветка, дюйм", средневерхненемецким *zol* м., *zolle* ж. "колода, кляп, дюйм" (из **dlno*) ... Изменение значения "часть" > "доля, судьба", ср. греческим *μοῖρα* : *μέρος*, греческим *αἵσα* : *οσκ. aeteis*, род. п. ед. ч. "partis" ...» [4]. Когда люди говорят другу другу «будьте счастливы», без сомнения, желают «Счастья», «Любви», «Радости», «Веры», «Надежды».

Что следует понимать под словом «счастье». Привлекают этимологические данные М. Фасмера. Концепты-конструкты «Доля» и «Счастье» являются коннотированными образно метафорическими компонентами. Другими словами, указанные концепты-конструкты одного ментального и образного поля. «Счастье украинское. *щастя* ср. р.; с церковнославянским *съчастьнъ* "причастный", древнечешским *ščeštie*, чешским *štestí* "счастье", *št' astný* "счастливый", словацким *št' astie, št' astný*, польским *szczęście*. Праславянское **szčeštyje* объясняют из **sz-* : древнеиндийского *su-* "хороший" + **češty* "часть", т. е. "хороший удел" ... *счастье* – первонач. "доля, совместное участие" (: *сь*). Эта этимология несомненна для позднецерковнославянского *съчастьнъ* "причастный" ...» [5]. Думается, что под словом «счастье» людьми разных культур понимается – то, что называется «хорошим уделом», хорошей частью чего-то того, что *делает с умыслом, осознанно* для себя и окружающих добрый человек. Очень хрупкая часть чего-то, бьющееся, ломающееся, поддающееся деформации, может либо *приносить счастье, либо несчастье*.

В одно мудрой восточной притче рассказывается о том, что Бог, сформировав из глины человека, вложил в его ладонь оставшиеся её кусочки, из которых впоследствии человек смог бы вылепить своё счастье. Глина, как известно, может принять любую форму, причём ту, которую ему придаёт мастер. Отсюда вывод: человек, действительно, *кузнец своего счастья*. Он сам выбирает путь, который ведёт и / или к свету, то есть в «Рай», и /или в темноту, то есть в «Ад».

«Свет» = «Рай», в представлениях людей разных культур, – это «Любовь», «Вера», «Надежда», «Радость». «Рай» – один из загробных миров (уготованное место для *отошедших в мир иной*), где упокоившейся душе, по тем же представлениям, *светло, радостно, счастливо*. Вызывает в связи с изложенным интерес происхождение слова «рай». Приведём данные М. Фасмера: «...Украинское, болгарское рай, древнерусское, старославянское раи парá δεισος ... болгарское рай, сербохорватское ра□j, род. ра□ja, словенское ràj, род. п. rája – то же, sveti ràj "небо", чешское ráj, словацкое, польское, верхнелужицкое, нижнелужицкое raj. Скорее всего, заимствовано из древнеиранского, ср. авестийское rāu - м. "богатство, счастье", древнеиндийское rāu-, rās м., ж. "состояние, сокровище, богатство", rauis "дар, владение", которые родственны латинскому rēs "дело, имущество", древнеиндийскому rāti "дает, дарует"... Ср. также мордовским м. riz "счастье", которое считается заимствованным из иранского ... а также греческого парá δεισος "рай" – из древнеиранского raigidaēza-. Признание родства слав. *rajь и индоиранских слов заставляет допустить чередование $\bar{o} : \bar{e}$, которое не может быть доказано. Литовское rōjus "рай", судя по ударению, заимствовано из славянских. ... Кроме того, Эндзелин ... сравнивает это слово с латышским rāt, rāju "корчевать, очищать", латинским rārus "редкий, рыхлый" (нерешительно) ... без всяких на то оснований сближают славянский *rajь с рой, река ... и предполагают здесь древнее значение "море,

течение" ... » [5]. По данным предложенного этимологического материала можно заключить, что «Рай» – это место исхода (выхода) «Любви» и «Света» Всевышнего. «Рай» – место, *дарованное Всевышним праведникам*.

Известно, что праведниками считаются те, кто строго придерживается заповедей религии, не грешит и живёт по закону Аламыса «чести» и «совести». Райское место, или по-абхазски %Банат, уготованное для добрых, не грешивших на Земле людей. %Банат «рай» противопоставлен %Ба]аным «аду», другими словами, *могиле грешных душ*. Этимология слова «ад» не совсем ясна, поскольку, согласно одним данным, слово это возводится к греческому гадес, которое переводится как «преисподняя». Это же слово, согласно другим данным, увязывают с древнееврейским словом «sheol», которое определяется как «покрытое место, или могила». Место для проклятых абхазы называют Аш'и Оы8, что дословно переводится как «место проклятых». %Ба]аным, или Аш'и Оы8, это «Ад», где, по представлениям абхазов, нет «Света», «Радости», «Любви», «Веры», «Надежды». Привлекает внимание формант %Ба, которую можно передать через русскую транслитерацию дж. Этот формант, думается, наличествует в словах: абхазском пен%Быр, азербайджанском пан%Бар, грузинском пан%Бари. Рассмотрим слово fenster (заметим, что и английское слово window, по всей видимости, содержит этот же образ «света»), в котором корень fen и указанные выше чередующиеся а / е в пен / пан, по всей видимости, восходят к общему источнику.

Считаем, что указанные выше слова несут в себе лексико-семантический компонент «свет», «озарение», «возможно» и «огонь». Другими словами, этими корнями могли обозначать *то, что может освещать тёмное*. Возникает вопрос: почему в этом ряду индоевропейский корень fen и индоевропейский ли он вообще в данном слове. Допускаем, что этот корень более поздний и восходит к раннему *пен / *пан. Так, например, в абхазском языке слово

афы, в котором -а является не что иным, как аффиксом общности, а -ф – корнем, заключающим в себе значение «молния». Нет сомнения в том, что молния содержит в себе искру, то есть электрический заряд, напоминающий искрящийся огонь. Возможно, поэтому в слове афы заключён корень со значением «огонь». Полагаем, что этот корень обнаруживает себя и в латинском названии ада, адский *infernalis* [3, с. 205]. Слово это можно дословно перевести как «в аду или внутри ада. Префикс -in обозначает «в, внутри». Другими словами, латинское название «ада», возможно, перевести и как «внутри огня, или в огне».

Убеждены в том, что древнеабхазский бог молнии **Афы** употребляется с тем же корнем. Можно предположить, что изначально слова с корнем *пен / *пан / *фен обозначали некое божество, дающее «Свет». Подчеркнём, что «Свет» противостоит «Тьме». «Ад» – это то же самое, что и тьма. В «Аду» нет и не может быть «Радости». Отсюда, возможно и название ада в абхазском языке **%Ба]аным**, в котором наличествует корень **%Ба**. Думается, что уместно сравнить **а%Б%Ба** «радостно», «с восторгом», «с теплом». В слове **%Ба]аным** форманты: **-]а**, **-ны**, **-м** обозначают: **-]а** – «вершина», «крепость», **-ны** – «место», **-м** – «отрицание». Полагаем, что в слове **%Ба]аным** заключён смысл: *«места, где нет радости», «место тьмы, или ада»*. Корень **%Ба** присутствует и в анализируемых выше словах: абхазском **пен%Быр**, азербайджанском **пан%Бар**, грузинском **пан%Бари**, которые переводятся как «окно». По всей видимости, корень **%Ба** в данных словах несет в себе смысл «радости», «света» и восходит к общему источнику. Возможно, что этим источником был праязык, сосредоточивший в себе корни **пен / пан / fen**, которые вобрали глубинный образно метафорический смысл «света», «огня», «радости».

Привлекает внимание и то, что в языках «Свет» и «Тьма» не только противопоставлены, но и слова, сфокусировавшие в себе ментальные образы «Света»,

«Радости», «Огня», «Тепла», «Жизни», «Воды» как источника жизни, имеют корни: /ь, 5ь,о, д, г. Сравним аг'ыр/ьара «радость», аг'ыбылра «любовь», аг'ы0ы5ь5ья «великодушные», дословно «сердце-внутри-свет – свет внутри сердца» и т.д. Как видно из изложенного, слова с корнем %Ь несут в себе ментальный универсальный «общечеловеческий» образ «Света», «Огня», «Любви», «Радости».

Надо помнить, что у человека *Ад кромешный на душе* [6, с. 101], когда жизнь находится в опасности, решается судьба близкого, кровного родственника, а сердце = душа при этом *Обливается кровью*. Сравним: абхазское *Иг'ы ашьа иахы7ан ицоит* = крымскотатарское *Юреги къан аг'лай* [7, с. 101]. Это же состояние человек испытывает, когда тревожится о самом дорогом, поэтому боль души, смешанная с тревогой, может *Брать / Хватать за душу = сердце*. Сравним: абхазское *Иг'ы иарх'ааит / Иг'ы иасит / Иг'ы и0алеит /Иг' иакит* = крымскотатарское *Юрегине тесир этмек / таймек* [7, с. 22, с. 114]. *Ад кромешный на душе* может быть ещё у того, чьё доброе имя, семью, род, язык *Безжалостно втоптали в грязь*, потому и говорится, например, у абхазов *Их'о идира аныш' иар0еит*. Сравним: крымскотатарское *Чамург'а буламакъ* [7, с. 32]. Несомненно, что когда у человека на душе = сердце *Ад кромешный*, то и *Душа = Сердце разрывается на части; Душа = Сердце не на месте*. Сравним: абхазское *Иг'ы ит'уацуеит / Иг'ы идж'оит* = крымскотатарское *Ичи – баг'ры янмакъ*; абхазское *Иг'ы а0ы8а= ита0ам* = крымскотатарское *Юреги раат олмамакъ*[7, с. 45]. Невозможно противоречить тому факту, что когда у человека *Ад кромешный в душе =сердце*, то *Кровь бросается в голову; Кровь играет в жилах, Кровь стынет в жилах*. Сравним: абхазское *Иг'ы = и8сы ашьа халоит; Ила ашьа халоит, Ашь идак'а иаршуеит* = крымскотатарское *Къаны башына урду; Къаны къай намакъ; Къоркъу дамарты тутты* [7, с. 60]. Следует особо подчеркнуть, что у человека, испытавшего состояние, описанное выше, не может быть в

душе = сердце «Света», «Радости», «Любви», «Веры», «Надежды», «Счастья».

Великий Омар Хайям писал, что в человеческой душе гнездятся и ад, и рай, полагаем, что и фразеология абхазов и тюркских народов свидетельствует о том, что душа человека, действительно, поделена на ад и рай. Человек без «Света» в душе – мёртвый человек, поэтому он выбирает тёмную сторону жизни: «Кровь», «Смерть», «Зло», «Грех». Мудрый Хайям, конечно, прав. «Общечеловеческая» фразеология, в частности, фразеосистема абхазов и крымскотатарская структурируется метафорически образными глубинными смыслами и значениями концептов-конструктов «Свет» = «Рай» / «Тьма» = «Ад».

Выводы. Подведя итог описанным фактам языка и культуры тюркских, индоевропейских, абхазо-адыгских народов, можно сделать вывод, согласно которому в этих языках наличествуют корни, восходящие к «общечеловеческим» ментальным конструктам-концептам. Ментальные образы, которые несут в себе глубинные значения и смыслы «Света» и «Тьмы», «Рая» и «Ада».

Литература

1. Амичба Д. П. Лингвокультурологическое выражение смысла и значения «общечеловеческого» в ментальных образах абхазов, русских, украинских (на материале фразеологии) [Монография] / Д. П. Амичба. – Д. : Изд-во ДНУ, 2012. – 228 с.
2. Гринченко Б. Д. Словарь української мови: В 4 т. – Київ : Вид-во Академії наук УРСР, 1958 с.
3. Словарь иностранных слов. – 19-е издание, стереотипное. – М.: Изд-во: Русский язык, 1990. – 624 с.
4. Фасмер М. Доля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-3313.htm>

5. Фасмер М. Счастье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-13066.htm>

6. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 544 с.

7. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь / А. М. Эмирова. – Симферополь : Доля. – 2004 с

УДК 42/49 (07)+82/89 (07)+ 811`271:378.147

Беликова Е. В.

старший преподаватель кафедры русского и украинского языков (Харьковский национальный университет строительства и архитектуры), Украина,

Мартынова И. Е.

старший преподаватель кафедры русского и украинского языков (Харьковский национальный университет строительства и архитектуры), Украина

Черногорская Н. Г.

старший преподаватель кафедры русского и украинского языков (Харьковский национальный университет строительства и архитектуры), Украина

Дытюк С. А.

старший преподаватель кафедры русского и украинского языков (Харьковский национальный университет строительства и архитектуры), Украина

**ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

Белікова О. В.

**старший викладач кафедри української та російської мов
(Харківський національний університет будівництва і
архітектури), Україна**

Мартінова Іветта Євгенівна

**старший викладач кафедри української та російської мов
(Харківський національний університет будівництва і
архітектури), Україна**

Чорногорська Н. Г.

**старший викладач кафедри української та російської мов
(Харківський національний університет будівництва і
архітектури), Україна**

Дитюк С. О.

**старший викладач кафедри української та російської мов
(Харківський національний університет будівництва і
архітектури), Україна**

**ІННОВАЦІЙНІ МЕТОДИ ФОРМУВАННЯ
КОМУНІКАТИВНОЇ КОМПЕТЕНТНОСТІ
ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ ТЕХНІЧНИХ
СПЕЦІАЛЬНОСТЕЙ**

Belikova H.V.

**senior lecturer in Russian and Ukrainian languages
(Kharkiv National University of Construction and
Architecture), Ukraine**

Martynov Yvette E.

**senior lecturer in Russian and Ukrainian languages
(Kharkiv National University of Construction and
Architecture), Ukraine**

Chernogorskaya N. G.

**senior lecturer in Russian and Ukrainian languages
(Kharkiv National University of Construction and
Architecture), Ukraine**

Dytyuk S.A.

senior lecturer in Russian and Ukrainian languages

**(Kharkiv National University of Construction and
Architecture), Ukraine**
**METHODS OF FORMATION OF COMMUNICATIVE
COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS OF
ENGINEERING SPECIALTIES**

В статье рассмотрено формирование коммуникативной компетентности студентов. В системе современного высшего образования особое внимание уделяется компетентностному подходу к определению целей, задач и результатов обучения. Данный подход связан с поиском новых концептуально-методологических оснований, моделей подготовки специалистов с высшим техническим образованием. В таких условиях одной из актуальных задач, стоящих перед исследователями по проблеме качества подготовки профессиональных кадров, становится определение набора ключевых компетенций, которыми должен обладать современный специалист.

В статье изучены понятие компетентности и роль русского языка как иностранного в развитии коммуникативной компетентности студентов, а также проанализированы противоречия и проблемы, возникающие в процессе формирования компетентности.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность; сущность компетентности; компетенция: коммуникативный метод.

У статті розглянуто формування комунікативної компетентності студентів. В системі сучасної вищої освіти особлива увага приділяється компетентнісного підходу до визначення цілей, завдань і результатів навчання. Даний підхід пов'язаний з пошуком нових концептуально-методологічних основ, моделей підготовки фахівців з вищою технічною освітою. В таких умовах одним із актуальних завдань, що стоять перед дослідниками з проблеми якості підготовки професійних кадрів, стає визначення набору ключових компетенцій, якими повинен володіти сучасний фахівець.

У статті вивчені поняття компетентності та роль російської мови як іноземної в розвитку комунікативної компетентності студентів, а також проаналізовані протиріччя і проблеми, що виникають в процесі формування компетентності.

Ключові слова: комунікативна компетентність; сутність компетентності; компетенція: комунікативний метод.

The article represents formation of the communicative competence of students.

Nowadays competent approach has special attention in higher education system because of its value in defining goals and results of education. The competent approach is associated with the search of new conceptual and methodological bases, models of training of the technically educated specialists. One of the most actual missions in such conditions is finding a pack of key competencies for the modern specialist.

In the article author has explored the concept of competence and the role of Russian as a foreign language in the development of the communicative competence of students, and also analyzed the contradictions and problems arising in the process of competence.

Keywords: communicative competence, the essence of competence, competence: the communicative method.

Постановка проблемы. Разработка новых отечественных стандартов высшего образования, создание унифицированных международных профессиональных стандартов на основе компетентного подхода и актуальных образовательных программ, базирующихся на отражении качественных результатов образовательного и производственного процессов путем определения компетенций, по мнению ученых, обеспечит их сопоставимость с европейскими образовательными и квалификационными системами, обращение высшего образования к запросам экономики и рынков труда, а тем самым обеспечит и укрепление позиций высшего образования Украины в общеевропейском образовательном и исследовательском пространстве.

Изложение основного материала. Одним из направлений научного поиска является совершенствование структуры и содержания профессионально ориентированной подготовки в техническом вузе. Уровень разработанности содержания профессионально ориентированной подготовки студентов технических вузов достаточно высок. Однако реализуемая в настоящее время концепция профессионально-ориентированной подготовки будущих специалистов не в полной мере отвечает современным

требованиям к уровню подготовки студентов к будущей профессиональной коммуникации, предъявляемых государственным и международным образовательным стандартом и рынком труда. Все это определяет актуальность поиска оптимальных путей совершенствования профессиональной компетентности будущих специалистов технического профиля.

Анализ научной литературы, посвященной вопросам формирования компетентности, позволяет говорить о том, что одной из ключевых компетенций, которыми должен обладать выпускник технического вуза, является коммуникативная компетентность. Под ней понимают способность будущего специалиста выступать в качестве активного субъекта общения в своей профессиональной деятельности. Это умение общаться с разными людьми, убеждать их в справедливости своих идей, отстаивать свою профессиональную позицию, обладать коммуникативными умениями, знать основные закономерности восприятия и понимания человека человеком, а также уметь воспринимать другого человека как личность, уметь слушать его и адекватно реагировать, влиять на других людей, создавать условия для их самовыражения, уметь разрешать конфликты, регулировать свое состояние, обладать не только вербальными средствами общения, но и невербальными (поза, мимика, жесты, движения).

Данные качества и умения, трансформируясь под влиянием личностных особенностей и опыта общения в реальных ситуациях, составляют ту часть профессиональной компетентности и мастерства специалиста, которая может быть названа его коммуникативной компетентностью.

Современное состояние теории обучения студентов и накопленные знания делают необходимым еще раз вернуться к компетенции коммуникативного обучения. Содержание понятий "компетентность" и "компетенция" неоднократно за последние годы рассматривались в работах отечественных ученых как в связи с модернизацией

украинской образования, так и в других контекстах. Однако, прежде, говорилось об уточнении сущности какого-то одного из этих понятий и о попытках определить некий универсальный или специфически профессиональный набор компетенций или компетенций (Н. Кичук, И. Зимняя, А. Овчарук, С. Клепко, В. Козырев, Н. Радионова, О.Хуторский и т.д.).

Педагогика, в том числе и профессиональное образование, активно оперируют понятиями "компетентность" и "компетенция". В данном случае под компетентностью понимается гарантия того, что индивид обладает необходимой физической или умственной квалификацией, особенно обладает необходимыми для решения задач навыками и знаниями, а компетенция является тем, что "человек, работающий в данной профессиональной сфере, должен быть способен сделать ... [и] способен продемонстрировать".

Компетенция (от лат. Competencia — круг вопросов, с которыми человек хорошо осведомлен, обладает знаниями и опытом) — это интегрированный результат овладения содержанием общего среднего образования, который выражается в готовности ученика использовать усвоенные знания, умения, навыки, а также способы деятельности в конкретных жизненных ситуациях для решения практических и теоретических задач.

Компетенция является интегральным результатом взаимодействия компонентов:

- мотивационного, что выражает глубокую заинтересованность в данном виде деятельности;
- целевого, связанного с умением определять личные цели, сопоставимые с собственными смыслами; составлением личных проектов и планов; осознанным конструированием конкретных действий, поступков, которые обеспечат достижение желаемого результата деятельности;
- ориентационного, что предусматривает учет внешних условий деятельности (осознание общей основы

деятельности, знание о круге реальных объектов; знания, умения и навыки, касающиеся круга) и внутренних (субъектный опыт, имеющиеся знания, предметные и межпредметные умения, навыки, способы деятельности, психологические особенности и т.д.) Работа студента над собственными сильными и слабыми сторонами;

- функциональные компоненты, что предполагает способность использовать знания, умения, способы деятельности и информационную грамотность как базис для формирования собственных возможных вариантов действия, принятия решений, применение новых форм взаимодействия и т.д.;

- контрольного, что предполагает наличие четких измерителей процесса и результатов деятельности, закрепление правильных способов деятельности, совершенствования действий в соответствии с определенной и принятой цели;

- оценочного, связанного со способностью к самоанализу; адекватной самооценки своей позиции, конкретного знания, необходимости или ненужности для своей деятельности, а также метода его получения или использования.

Эти компоненты в структуре общей компетенции студента тесно взаимосвязаны, поэтому каждый компонент может влиять на развитие других компонентов. Обладание человеком соответствующей компетенцией обозначается термином «компетентность». Если компетенция является заранее заданной нормой образовательной подготовки, то компетентность — это качество личности, которое необходимо для качественной продуктивной деятельности в определенной сфере. Ученые имеют разные взгляды к определению сущности понятий "компетенция" и "компетентность" и основные подходы (поведенческий, функциональный, многомерный и целостный, деятельностный или компетентностный). История становления указанных подходов в США,

Великобритании, Франции, Германии к определению понятий "компетенция" и "компетентность", особенности их использования в контексте обучения и развития проанализированы учеными Ф. Делямар и Дж. Винтертоном [16]. Понятие "компетенция" раскрывается путем включения в него знаний, навыков и компетенций в рамках целостной типологии компетенций. Каждый из подходов имеет свои специфические черты.

Традиционный американский подход продемонстрировал важность индивидуальных особенностей и использования поведенческих компетенций для оценки "лучшей работы". Британский подход подтвердил ценность функциональных компетенций и их использование для рабочего места. Подход, принятый во Франции и Германии, демонстрирует потенциал многомерной и более аналитической концепции компетенций. Кроме того, как утверждают эти ученые, есть признаки конвергенции в национальных подходах к компетенциям, не только в Европе, но также и между европейскими и американскими моделями [6]. То есть речь идет о преимуществах многомерных моделей компетенций перед одномерными. Именно поэтому все чаще в поведенческих моделях в США добавляются функциональные и когнитивные компетенции, в то время как в Великобритании когнитивные и поведенческие компетенции включаются в модели профессиональных функциональных компетенций. Франция, Германия и Австрия, которые начали проблему компетенции разрабатывать позже, изначально приняли более целостный подход, но со своими особенностями. Целостная модель оказалась более эффективной в идентификации комбинаций компетенций, которые необходимы для специфических работ и обеспечения мобильности трудовых ресурсов. При всем различии методологий и технологий обучения, все эти ученые внесли в теорию и практику много ценного.

Использование коммуникативной методики — объективная необходимость, продиктованная

закономерностями любого обучения как такового. Как известно, все, чему учится человек, он приобретает для того, чтобы использовать в будущей деятельности. Известно также, что использование знаний, навыков, умений основано на переносе, а перенос зависит, прежде всего, насколько адекватны условия обучения тем условиям, в которых эти знания, навыки, умения предполагается использовать. Это и определяет сущность коммуникативного общения, которая заключается в том, что процесс обучения является моделью процесса общения. В этом случае коммуникативность рассматривается не как методический принцип, пусть даже и ведущий, а как принцип методологический, который определяет, с одной стороны, методические принципы обучения, а с другой — выбор общенаучных методов познания, исходных для построения процесса обучения.

Все это, конечно, не означает, что процесс обучения строится как копия процесса общения. Более того, в процессе общения есть параметры, моделировать которые с точки зрения обучения совершенно не имеет смысла.

Соблюдение указанных характеристик позволяет назвать образовательный процесс коммуникативным:

1) Коммуникативность предполагает не «обучение иностранному языку», а «иноязычное образование». Целью иноязычного образования является сам человек. А содержанием образования является культура, в нашем случае — иноязычная. Культура, которая имеет четыре аспекта: познавательный (знание о языке и культуре страны), развивающий (способности), воспитательный (нравственность) и учебный (владение умением общаться).

2) Процесс коммуникативного иноязычного образования (урок) строится как модель реального общения, но организуется так, чтобы студент имел возможность сам познавать и развиваться, осваивать иноязычной культурой, а не подвергался бы обучению.

3) Коммуникативность означает наличие у студента личностного смысла его участия в образовательном процессе, в овладении иноязычной культурой с целью становления его как индивидуальности, как субъекта родной культуры и как участника будущего диалога культур.

4) Коммуникативность — это мотивированность любого действия студента, совершение его из внутреннего побуждения, а не внешнего стимулирования.

5) Коммуникативность — это речемыслительных активность, т.е. постоянная включенность в процесс решения задач реального общения.

6) Коммуникативность — это связь общения со всеми другими видами деятельности ученика — общественной, спортивной, художественной и т.п.

7) Коммуникативность — это общение в ситуациях, понимаемых не как обстоятельства, а как система взаимоотношений между преподавателем и студентами.

8) Коммуникативность — это функциональность, что означает, что любое действие студента, скажем, при овладении словами или грамматическим явлением производится при наличии у студента и при осознании им речевой функции.

9) Коммуникативность — это постоянная новизна и эвристичность, когда исключается произвольное заучивание и воспроизведение заученного, когда одна фраза не должна повторяться в том же виде даже дважды или дважды читаться (слушаться) тот же текст с той же целью, но когда обеспечивается постоянная вариативность всех упражнений, материалов и условий.

10) Коммуникативность — это содержательность всех используемых материалов, их коммуникативная ценность и аутентичность.

11) Коммуникативность — это проблемная организация материала не так называемая тематическая, а проблемная организация материала.

Каждая из указанных характеристик не благое пожелание, а обязательное условие.

Важным компонентом содержания обучения русскому языку как иностранному является речевое умение, под которым понимают способность выражать и понимать выражение, основываясь на знаниях и владении навыками использования языковых средств в речи.

В процессе изучения иностранного языка особые трудности вызывает выработку разговорной речи, причем в условиях различных форм обучения, которые непосредственно связаны со спецификой контингента (иностранцы учащиеся из стран СНГ, группы студентов с пятилетним обучением, сборные группы изучающих русский язык).

Учебные программы могут быть ориентированы на разные уровни владения русским языком в зависимости от конкретных условий и коммуникативных потребностей учащихся. Все эти обстоятельства требуют от преподавателя большой творческой работы по выбору наиболее подходящих из существующих учебных средств и созданию дополнительных учебных материалов, в первую очередь упражнений. Строго определенной модели обучения разговорной речи нет, преподаватель создает эту модель самостоятельно в зависимости от цели, содержания и условий обучения и даже от собственного педагогического опыта и методического мастерства. Все аспекты обучения иностранных учащихся (фонетика, грамматика, чтение, аудирование) сходятся в одной точке – использование приобретенных навыков непосредственно в процессе коммуникации. Тем более что студенты имеют сильный стимул для изучения русского языка, поскольку живут в стране изучаемого языка и ежедневно обращаются среди его носителей. Кроме того, организация речевой деятельности на каждом занятии должна приносить удовольствие.

Согласно коммуникативной направленности обучения строится учебный процесс. Большое внимание уделяется созданию коммуникативной атмосферы. Роль преподавателя качественно меняется: он становится стратегом, который реализует концепцию учебников и дополняет их коммуникативными материалами. Большое значение имеет поведение преподавателя, который организует иноязычное общение, дает время на размышления, не требуя моментального ответа, осуществляет гибкую коррекцию ошибок и т.д. Для успешной реализации идей коммуникативного метода необходима соответствующая материальная база и техническое оснащение.

Согласно коммуникативному методу, обучение варьируется в зависимости от уровня учащихся. Прежде всего, учебный процесс ориентируется на содержание, которое помогает ориентироваться в мире чужой культуры, развивает собственный мир видения разных культур. Учащиеся выступают как активные партнеры по общению, их побуждают к осознанному и самостоятельному использованию языковых средств. Занятия имеют социальный характер, фронтальная работа заменяется на партнерскую, индивидуальную и групповую.

Выводы. Работа по коммуникативному методу, активное использование учебников и пособий по коммуникативной направленности в процессе дает положительные результаты при обучении русскому языку как иностранному.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для вузов / Г. М. Андреева. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 365 с.

2. Бодалев А. А. Психология в личности. — М., 1988. — 187 с.
- Бондаревская Е. В., Кульневич С. В. Педагогика. — М., Ростов-на-Дону : «Учитель», 1999. — 87 с.
3. Борьба за таланты, или компетенции в компетенции HR-а. [Электронный ресурс]: posada.com. — 24 января 2007. — Режим доступа: <http://posada.com.ua/news/1772/>
4. Быстрова Е. А. Коммуникативная методика в преподавании родного языка // Русский язык в школе, 1996. — № 1. — С. 3-8.
5. Википедия. [Электронный ресурс]. — 26 февраля 2009. — <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/>
6. Деркач А. А., Щербак С. Ф. Педагогическая эвристика: Искусство овладения иностранным языком. — М. : Педагогика, 1991. — 224 с.
7. Жуков Ю. М. Диагностика и развитие компетентности в общении / Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская, П. В. Растянников. — М., 1990. — 104 с.
8. Жуков Ю. М., Петровская Л. А., Растянников П. В. Диагностика и развитие компетентности в общении. — Киров, 1991. — 142 с.
9. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорения на иностранного языка. — М. : Педагогика, 1978. — С. 98-101.
10. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. — М. : Просвещение, 1991. — 222 с.
11. Зеер Э. Ф. Становление личностно ориентированного образования / Э. Ф. Зеер // Образование и наука. — 1999. — № 1 (1). — С. 112-122.
12. Коммуникация и обучение иностранным языкам. — Минск : Высшая школа, 1970.
13. Компетентностный подход в современном образовании: мировой опыт и украинские перспективы : Библиотека по образовательной политике / Под общ. ред. О. В. Овчарук. — М. : К.И.С., 2004. — 112 с.
14. Компетентность саморазвития специалиста: педагогические основы формирования в высшей школе. [Наук. ред., в порядке., авторство проф. Кичук Н. В.] — Измаил : ИГГУ, 2007. — 236 с.
15. Клепко С. Ф. «Компетенизация образования»: ограничения и перспективы / Постметодика. — 2005. — № 1. — С. 9-17.

УДК 81'27

**К. пед.н., доц. Давыденко Ю.Е., Кушнир Л. В.
Приднепровская государственная академия
строительства и архитектуры, Украина
КРОССКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК
СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЫ МИРА**

**К. пед.н., доц. Давиденко Ю. Є., викл. Кушнір Л. В.
Придніпровська державна академія будівництва та
архітектури, Україна
КРОССКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ ЯК ЗАСІБ
ФОРМУВАННЯ МОВЛЕННЄВОЇ КАРТИНИ СВІТУ**

**PhD (Pedagogy), associate professor I. E. Davydenko,
Lecturer at the Department L. V. Kushnir
Prydniprov's'k State Academy of Civil Engineering and
Architecture, Ukraine
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AS THE WAY
OF LANGUAGE PERCEPTION OF THE WORLD**

В статье анализируются особенности формирования языковых картин мира у представителей различных наций. Языковая картина мира определяется как комплекс знаний и представлений человека про внутренний и внешний мир определенной нации. Делается акцент на том, что способ восприятия мира вокруг нас изменяется в зависимости от языков, которыми мы владеем, ведь каждое языковое сообщество всегда формирует свое уникальное языковое восприятие мира, которое приходит как культурное и ментальное наследие нации, включающее в себя традиции и фольклор, связь настоящего и прошлого.

Авторы придерживаются той точки зрения, что в современном обществе эффективность бизнеса и общие культурные стратегии взаимодействия в большей степени зависят от того, насколько полно мы осведомлены о разнообразии исторического богатства и

культурного опыта наших партнеров по бизнесу. Делается вывод о том, что использование интерактивного подхода в курсах лингвокультуроведения и иностранных языков не только существенно повышает эффективность деловой и общекультурной стратегии поведения и успешность делового сотрудничества, но и развивает нашу собственную культурную компетентность.

Ключевые слова: языковая картина мира, интерактивный подход, кросскультурная психология, фоновые знания.

У статті аналізуються особливості формування мовленнєвих картин світу у представників різних націй. Мовленнєва картина світу визначається як комплекс знань і представлень людини про внутрішній і зовнішній світ певної нації. Робиться акцент на тому, що спосіб сприйняття світу навколо нас змінюється залежно від мов, якими ми володіємо, адже кожне мовне співтовариство завжди формує своє унікальне мовне сприйняття світу, яке приходить як культурна і ментальна спадщина нації, що включає традиції і фольклор, зв'язок сьогодення і минулого. Автори дотримуються тієї точки зору, що в сучасному суспільстві ефективність бізнесу і загальні культурні стратегії взаємодії більшою мірою залежать від того, наскільки повно ми обізнані про різноманітність історичного багатства та культурного досвіду наших партнерів по бізнесу. Робиться висновок про те, що використання інтерактивного підходу в курсах лингвокультурознавства та іноземних мов не лише істотно підвищує ефективність ділової і загальнокультурної стратегії поведінки і успішність ділової співпраці, але й розвиває нашу власну культурну компетентність.

Ключові слова: мовленнєва картина світу, інтерактивний підхід, кросскультурна психологія, фонові знання.

The article analyses the features of language perception of the world by the representatives of various nations. Language perception of the world can be defined as the complex of human knowledge and ideas about inner and outer world of a particular cultural community. The way human beings perceive the world around them varies with the languages they know. Indeed, every speech community always form their unique language perception of the world, which comes as the cultural heritage of both material and spiritual life of the community, evolving from enduring transmission of their traditions and folk wisdom, with language being a link between the past and the present.

The authors make a suggestion about the importance of interactive approach using to teach a culture of foreign language, which would lead to

the increase in the business efficiency and general cultural behavioral strategies, as well as might enhance the effectiveness of business co-operation with other cultures. The approach to learning cultures could be called as an interactive one, when everyone who is involved in this learning process can analyze, anticipate and evaluate their own speech behavioral patterns towards the representatives of other cultures, can reflect on their own concepts "before and after" about behavioral patterns existing in other cultures. The efficiency of business and general cultural interaction strategies mainly depend on us, how much we realize the diversity of cultures and are aware of the historical wealth and cultural experience of their representatives. It seems that understanding the topicality of intercultural communication approach and its use in teaching/learning foreign languages can help us enhance and broaden as our own cultural competence as the effectiveness of business co-operation with other cultures.

***Keywords:** language perception of the world, interactive approach, intercultural psychology, background knowledge.*

Актуальность исследования. Как утверждают современные исследователи, речь всегда отображает в своей фразеологии реальные для своей среды социокультурные условия. Таким образом, в каждом речевом сообществе всегда формируется своя неповторимая языковая картина мира, которая одновременно является культурным наследием как материальной, так и духовной жизни. Языковая картина возникает в процессе длительной передачи традиций и народной мудрости [1, с.28].

Языковая картина мира – это совокупность знаний и представлений человека про внутренний и внешний мир определенной нации. Разнообразие национальных картин мира обусловлено разнообразием языковых картин, доминантной средой существования этноса и разностью фразеологической концептуализации. Поэтому формирование вышеуказанных языковых картин в сознании членов определенных наций всегда помогает их правильной языковой ориентации в данной среде [2, с.96]. Речь идет о формировании интеркультурной компетенции, которая

выступает как умение управляться с культурно-разнообразной ситуацией.

Изложение основного материала. Интеркультурная компетенция, согласно точки зрения В. М. Шаклеина [3, с.97], состоит из трех базовых частей: когнитивной, аффективной и бихевиоральной. Первая из них (когнитивная) представляет собой знания, опыт и информацию не только о зарубежной, а и своей культуре. Другая (аффективная) связана с эмоциональным проживанием межкультурной ситуации с интеркультурной эмпатией, третья (бихевиоральная) рассматривается как способность проводить адекватную межкультурную коммуникацию и решать интеркультурные конфликты. Ни одна из этих составляющих интеркультурной компетенции не дается никому с рождения. Потому все они должны быть систематично развиты на уроках по иностранному языку.

Кросскультурной психологией (от англ. *cross-cultural psychology*) принято называть науку, которая изучает взаимосвязи между факторами культуры, с одной стороны, и психологическими факторами — с другой [4, с.2].

Кроме понятия особой отрасли науки, кросскультурная психология позиционируется как коррекция чрезмерных обобщений традиционной общей психологии, основные факты и понятия которой разработаны на ограниченных выборках примерно однородных по типу культур.

По мнению исследователей в этой области [5, с. 98], и мы в этом с ними полностью согласны, иногда мы несколько упрощаем кросскультурную ситуацию общения до «действительной», то есть видимой глазу, но не достигаем уровня подсознательной или неосознаваемой культуры взаимодействия, необходимой в ситуации, когда встречаются люди разных культур. В соответствии с гипотезой лингвистической относительности Б. Д. Уорфа, язык и способы мышления разных народов и наций взаимосвязаны. Осваивая язык, его носитель осваивает соответствующее отношение к миру, который его окружает. Это отношение

отражается и в структуре родного языка. Поскольку языки по-разному отражают окружающую действительность, то и носители языка отличаются разным отношением к этой действительности. Отображение в сознании человека целостной картины мира, которая фиксируется языком — одна из важнейших проблем когнитивной лингвистики. Картина мира отображает определенный образ мира, который не является его зеркальным отображением. Она является определенным видением и конструированием этого мира. В этом случае окружающий мир человека выступает в лексическом составе языка, а лексика сама по себе выступает как человеческий опыт освоения природы, общества, взаимоотношений природы, общества и индивида, результат психической и мыслительной деятельности человека в обобщенном виде.

Как утверждает исследователями в области психо и этнолингвистики, языковая картина мира отличается от реального мира в силу специфики конкретных культур, которые стоят за каждым отдельно взятым языком. В соответствии с этим, в конкретном языке происходит так называемая "конвенционализация - негласное коллективное соглашение говорящих высказывать свои мысли определенным образом.

Подход к изучению культур может быть назван интерактивным, когда каждый может проанализировать, предвидеть, изучить свое собственное речевое поведение с представителями разных культур, оценить свои представления «до и после» об особенностях поведения людей, представителей разных культур. Эффективность деловой и общекультурной стратегии взаимодействия зависит от нас — насколько мы осознаем и понимаем разнообразие культур и богатство исторического и культурного опыта их представителей. Именно знание и понимание актуальности кросскультурной коммуникации помогает нам поднять и расширить уровень нашей культуры и успешность нашего делового сотрудничества.

Разнообразие и полисемантичесность смысла и форм межкультурного взаимодействия не должны вызывать у нас страх или неуверенность в себе, но наоборот, желание познать других людей, узнать и раскрыть самих себя в ситуации международного сотрудничества и коммуникации. Внимание к культурным корням и национальным особенностям других людей, как в обществе, так и в бизнесе, позволяет нам предвидеть реакцию собеседников на наши предложения, не допустить возможных ошибок, но использовать наши культурные различия во благо обоим сторонам и делу. Практическое знание базовых черт представителей различных культур (как и своей собственной) помогает нам понять друг друга и оценить наши достоинства и принять некоторые национальные особенности, казавшиеся ранее недостатками.

Выявление национальных особенностей сродни хождению по минному полю неточных предположений и неожиданных исключений. Можно встретить вспыльчивых финнов, медлительных итальянцев, осмотрительных американцев и харизматичных японцев. Тем не менее, существует и некая национальная норма. Например, итальянцы, как правило, более словоохотливы, чем финны. Разговорчивые финны и молчаливые итальянцы выделяются на общем фоне соотечественников. С точки зрения конкретной национальной черты, таких необычных индивидов можно рассматривать как отклонение от нормы.

Ради того, чтобы провести ряд содержательных сравнений между различными культурами, стоит пойти на некоторые обобщения относительно национальных особенностей того или иного народа. Такие обобщения влекут за собой опасность однобокого, стереотипного подхода в той мере, в какой речь идет о типичном итальянце, немце или американце. Разумеется, американцы сильно отличаются друг от друга и нельзя найти двух одинаковых итальянцев. Тем не менее, опыт тесного общения с людьми самых разных национальностей убедят вас в том, что жители

многих стран придерживаются определенных взглядов на жизнь и представлений об окружающей действительности, что непременно проявляется в их поведении.

На практике культура как выражение специфического мировоззрения не является сугубо национальным явлением. В некоторых странах региональные особенности столь сильны, что отодвигают национальные черты на второй план. Кроме испанского паспорта, баски и жители Андалузии имеют мало общего; деловым людям Милана гораздо легче общаться с австрийцами и французами, чем с сицилийцами. В США, стране с множеством субкультур, расовые и языковые различия привели к образованию трех основных категорий населения: афроамериканцев, латино-американцев и англоговорящих «белых». В некоторых случаях города отличаются столь сильной культурной индивидуальностью, что она выходит за пределы региональных особенностей. Так, жители Лондона — это не просто южные британцы, парижане — больше, чем северные французы, по акценту и стилю жизни ливерпульцы сильно отличаются от окружающих северян. А Гонконг даже после слияния остается особым анклавом в составе Китая.

Культурные сообщества могут выходить за границы отдельных государств и наций и выделяться не только по географическому признаку. Мусульмане и христиане — группы культур, то же можно сказать об инженерах и бухгалтерах. Выпускники университетов Оксфорда, Кембриджа, Гарварда считают, что отличаются друг от друга как культурные сообщества. В той или иной мере жизнь многих из нас определяется корпоративной культурой. Она особенно сильна в Японии. В других странах, таких как Италия, Испания и Китай, более важной считается семейная культура. Исходный элемент культуры — индивид с присущей ему личной культурой. В таких странах, как Великобритания, США, Франция и Австралия, к личным взглядам относятся с большим уважением.

Быть может, самым общим критерием культурного деления людей является не национальное, религиозное, корпоративное и профессиональное, а гендерное — по признаку пола. Вполне возможно, что по своему мировоззрению итальянка окажется ближе к женщине-немке, чем к итальянцу-мужчине. Ценности, усвоенные нами в детстве, формируют у нас определенное глубоко укоренившееся отношение к пространству и времени, как мы определяем статус других людей, реагируем на различные типы лидерства, как организуем наше общественное устройство и бизнес в соответствии с этими установками. Придерживаясь мнения, что не может быть общего мнения по поводу вкуса, приходим к выводу о том, что культурные ценности не могут быть хорошими или плохими, логичными или иррациональными. Британец, американец и китаец — все считают себя разумными и нормальными людьми. Именно активное кросскультурное взаимодействие помогает воспринимать других людей такими же "нормальными", какими мы считаем себя, приучая нас смотреть на них по-другому.

Как наладить относительно гармоничные отношения в объединенной международной команде? Прежде всего, следует принять как нечто бесспорное, что для того, чтобы понять, чем живут иностранные коллеги, нет другого пути, кроме изучения их языка, литературы и хотя бы в общих чертах истории их страны. Это предполагает значительные затраты, измеряемые не столько финансовыми потерями, сколько временем.

Что видят англичанин, француз, немец и японец в рамках своего кругозора? Чем этот взгляд принципиально (и, быть может, фатально) отличается от вашего? Что совпадает? Существуют области, в которых две нации могут прийти к согласию. Представители романских народов считаются трудными партнерами для британцев, тем не менее, бритты могут найти взаимопонимание с французами, испанцами и итальянцами, хотя в каждом случае основа его будет разной.

Самые разные культурные "горизонты" и представления можно сблизить, прежде всего, создавая интернациональные команды, объединяющие представителей разных культур. Сам язык делового и неделового общения становится источником вдохновения и незаменимым средством кросскультурного тренинга завтрашних менеджеров и руководителей. Сопереживание, чувство такта, понимание, деликатность, позитивный настрой — вот важнейшие ресурсы мультикультурного профессионала по связям с общественностью. «Язык — это инструмент, к помощи которого прибегают для решения большинства социальных задач: например, для разработки проекта, достижения цели, решения проблемы и т.д. [6, с.108]. Следуя терминологии Совета Европы, этот подход квалифицирован, как «деятельный», в той мере, что язык привязан к действию. Социальные задачи обычно требуют применения различных компетенций: основных (в том числе культурных), лингвистических, социолингвистических и прагматических.

Сегодня, как никогда раньше, именно изучение современных языков и культур играет решающую роль в интеллектуальном и человеческом обогащении обучаемого, открывая ему не только языковое разнообразие, но и взаимодополняющий характер разных точек зрения, дабы привести его к построению общепризнанных ценностей. Сегодня изучать современный язык — это значит открывать для себя способы восприятия мира и других людей, которые могут сначала казаться обескураживающими. Для того чтобы чувствовать себя свободно в языке, не достаточно смочь произнести несколько фраз; необходимо знать не только его социальные обычаи, но и культурный фон.

Язык, прежде всего, носитель и создатель смысла. Он тесно и нерасторжимо связан с мыслительной деятельностью. «В противоположность тому, что думает большинство людей, язык — это не просто грамматическая структура, с набором объединенных между собой, в согласии с синтаксическим кодом, слов; язык - это еще и, прежде всего,

создание значения, основанное на наших чувствах. Таким образом, мы наблюдаем, интерпретируем и выражаем наш собственный мир, исходя из личного, географического и политического контекста [7, с.130]. Можно проиллюстрировать эту характеристику языков посредством очень сильного понятия, неодинаково ассимилированного разными языками: понятия светскости (*laïcité*). Это чистый продукт нескольких веков истории, понять которые под силу только входящим в историю, тем, кому это было дозволено, или кто самостоятельно погрузился в социально-политический контекст — продукт этой истории. Именно из-за этой особенности понятие светскости существует не во всех языках. Оно отсутствует не только в арабском языке, но и в английском и немецком языках. В английском языке есть слово *secularity*, а *laicity* не содержится ни в одном словаре. Тем не менее, оно употребляется, но не широко и его значение совпадает с *secularity*. Данное понятие существует и в испанском языке, оно развивалось в Испании при множестве отклонений в течение XIX века, в некотором параллелизме с существованием подобных отклонений во французском языке. Вероятно, так же обстоят дела и в итальянском, и в португальском языках. Таким образом, понятие возникло в контексте конфликта между светской и религиозной властями, там, где прочно организованная религиозная власть претендовала на осуществление светской власти, т.е. в католических странах. Это ясно означает, что перенесение слова в другой язык не обеспечивает сохранности его смысла. Если при переносе слово теряет свое значение, оно теряет при этом процессе свое качество языкового знака. Это уже не более чем ряд букв, которому реципиент даст значение, которое может не иметь ничего общего с изначальным значением, и потому послужить источником всяческих недоразумений, непониманий, противостояний и конфликтов.

Язык — это совокупность всех трех взаимозависимых аспектов. Все что мы называем культурными языками, т.е.

все коренные языки, имеют эту сложность [8, с. 100]. Вы не можете поставить язык с одной стороны, а культуру с другой, и сохранять эту культуру, меняя язык. Ведь культуры - это не закрытые общности, а открытые системы, находящиеся в постоянном трении друг с другом, как во взаимном обмене, так и в столкновении. "Культуры формируются, развиваются, исчезают во взаимодействиях и конфликтах с другими культурами" [9, с.76].

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Разнообразие национальных картин мира обусловлено разнообразием языковых картин, доминантной средой существования этноса и разностью фразеологической концептуализации. Поэтому формирование вышеуказанных языковых картин в сознании членов определенных наций всегда помогает их правильной языковой ориентации в данной среде. Речь идет о формировании интеркультурной компетенции, которая выступает как умение управляться с культурно-разнообразной ситуацией.

Подход к изучению культур может быть назван интерактивным, когда каждый может проанализировать, предвидеть, изучить свое собственное речевое поведение с представителями разных культур, оценить свои представления «до и после» об особенностях поведения людей, представителей разных культур.

Знание и понимание актуальности кросскультурной коммуникации помогает нам поднять и расширить уровень нашей культуры и успешность нашего делового сотрудничества.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Наука, 2010. — 288 с.
2. Багдасарова Н. А. Эмоциональный опыт в контексте разных культур / Н. А. Багдасарова / Человек. — № 5. — 2005. — С. 105–111.
3. Шаклеин В. М. Лингвокультурологическая теория в преподавании русского языка как иностранного / В. М. Шаклеин / Русский язык за рубежом. — № 3. — Москва : Гос. ин-т русского языка им. Пушкина, 1999. — С.97-101.
4. Емельянова Т. П. Кросскультурная психология: проблемы и тенденции развития / Т. П. Емельянова — Уфа : Изд-во БГПУ, 2000. — 160с.
5. Шаклеин В. М. Лингвокультурологическая теория в преподавании русского языка как иностранного / В. М. Шаклеин / Русский язык за рубежом. — № 3. — Москва : Гос. ин-т русского языка им. Пушкина, 1999. — С. 97-101.
6. Багдасарова Н. А. Эмоциональный опыт в контексте разных культур / Н. А. Багдасарова / Человек. — № 5. — 2005. — С. 105–111
7. Фрумкина Р. М. Психология и лингвистика как контексты социального познания / Р. М. Фрумкина / Пути России: проблемы социального познания [Под общ. ред. Рогозина Д. М.]. — М. : Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2006. — С. 128–144.
8. Шаклеин В. М. Лингвокультурологическая теория в преподавании русского языка как иностранного / В. М. Шаклеин / Русский язык за рубежом. — №3. — Москва : Гос. ин-т русского языка им. Пушкина, 1999. — С. 97-101.
9. Хайруллина Р. Х. Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию : [Монография] / Р. Х. Хайруллина. — Уфа : Изд-во БГПУ, 2001. — 285с.
10. Пивонова Н. Е. Кросскультурные коммуникации / Н. Е. Пивонова. — Уфа : Изд-во БГПУ, 2003. — 170с.

УДК 811.111'373:81'38

**Candidate of Science (Philology) Dembovska L. M. ,
Interregional Academy of Personnel Management
Methodist teacher of the English language Kozina Ya.M.
Specialist school № 159, Kyiv, Ukraine
D. R. KIPLING'S COMPOUND LEXEMES
FOR VERBALIZATION OF HUMAN'S SOCIAL
PROBLEMS**

**К. філол. н., Дембовська Л. М.
Міжрегіональна академія управління персоналом;
Вчитель-методист англійської мови Козіна Я. М.
Спеціалізована школа № 159, Київ, Україна
КОМПОЗИТНІ ЛЕКСЕМИ Д. Р. КІПЛІНГА
ДЛЯ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ СОЦІАЛЬНИХ ПРОБЛЕМ
ЛЮДСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА**

**К. филол. н., Дембовская Л.М.
Межрегиональная академия управления персоналом;
Учитель-методист английского языка Козина Я.Н.
Специализированная школа № 159, Киев, Украина
КОМПОЗИТНЫЕ ЛЕКСЕМЫ Д. Р. КИПЛИНГА
ДЛЯ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

The article deals with the compounds in Kipling's fiction. Importance of functional approach to surveying of speech phenomena on the basis of consistency of language is stressed. This approach considers cognitive processes and psychological mechanisms of communicative interaction as well as extralinguistic surrounding in which the realization of language units takes place. Connotative meanings of compound lexemes both inherent and contextual are considered. Axiological characteristics of these lexemes and their efficiency for verbalization of social problems have been analyzed. The stylistic functions of compounds as means of expression the author's intentions in the fiction discourse are under consideration.

Key words: *compound, consistency of language, meliorative and pejorative connotation, social problems, epithet configuration, metaphor, pragmastylistic functions.*

Стаття присвячена дослідженню створення та функціонування структурно складних слів у лінгвокультурному просторі творів Р. Кіплінга. Наголошується важливість функціонального підходу до вивчення мовленнєвих явищ на основі системності мови з урахуванням когнітивних процесів та психологічних механізмів комунікативної взаємодії, а також позамовного середовища, в якому відбувається реалізація одиниць мови. Розглядаються конотативні значення структурно складних одиниць, як власні, так і набуті під впливом контексту. Аналізуються також аксіологічні характеристики композитів та їх значимість для вербалізації соціальних проблем суспільства. Розглядаються прагматистичні функції композитів як засобів вираження інтенцій автора в художньому дискурсі.

Ключові слова: *композит, системність мови, меліоративні та пейоративні конотації, соціальні проблеми, епітетна конфігурація, метафора, прагматистичні функції.*

Стаття посвящена образованию и функционированию структурно-сложных слов в лингвокультурном пространстве произведений Р. Киплингa. Подчеркивается важность функционального подхода к исследованию речевых явлений на основе системности языка с учетом когнитивных процессов и психологических механизмов коммуникативного взаимодействия, а также внеязыковой среды, в которой происходит реализация единиц языка. Рассматриваются коннотативные значения структурно-сложных единиц, как собственные, так и возникающие под влиянием контекста. Анализируются также аксиологические характеристики композит и их значимость для вербализации автором социальных проблем общества. Рассматриваются прагматистические функции композит как средств выражения интенций автора в художественном дискурсе.

Ключевые слова: *композита, системность языка, меліоративные и пейоративные коннотации, социальные проблемы, эпитетная конфигурация, метафора, прагматистические функции.*

The relevance of the research question. Cognitive activity supposes determination of the nature of the object of perception, revelation and studying of the character of relationships between

the objects of reality and also between the components of the given object. Various objects of material world exist not separately but in interconnection and interaction. These peculiarities of material world were registered at the ancient times and were put into the basis of the principles of consistency [1, p. 15]. Systemic approach to language study appeared in linguistics at the beginning of the XX century. The development of a language involves all its levels into a process of changing, so the research of language phenomena should be done according to their systemic status, interrelations and structure. As language is a universal way of people's communication, the whole structure of the language is adopted to this process. Consistency is one of the fundamental features of a language.

Cognitive processes, psychological mechanisms, strategies and effectiveness of communicative interaction are under consideration in the functional approach to linguistic researches. Thus preverbal thinking, memory, knowledge, social and personal experience influence the analysis of communication. Researchers transferred attention onto a human as a subject of communication and society. Language is considered according to human needs, social factors and extra-linguistic environment.

While analysing language functions and separate language units, A. Levitsky states that functioning of language units depends directly on purposes of communication providing its adequacy [2, p. 20]. Extra-linguistic environment is also very important [2, p. 53].

Compound words correspond to two main principles of discourse organization. They are to make discourse the most informative and clear and to reach this goal with minimal efforts. These principles are determinative in choosing one unit among all possible in a particular text and a real discourse.

The relevance of the research caused by general tendency of present linguistic works about discourse aspects of language units functioning and about detection the role of compounds in verbalization of social problems by fiction authors.

The purpose of the research is to clarify the peculiarities of compounds functioning in fiction discourse.

The achievement of assigned goal provides solution of a number of tasks:

- to clarify functional and pragmatic aspects of compounds by researching of connotative meanings both inherent and which appear due to the context;

- to determine the regularities of a compound and context interaction;

- to determine the regularities of expressing axiological categories in non-coin words;

- to define perspectives of usualization of non-coin words as a way of enriching the English Vocabulary.

The object of the research is English compounds of direct and indirect nomination.

The subject of the analyses is structural-semantic, functional-stylistic and pragmatic peculiarities of compounds in fiction discourse.

Compound lexemes extracted from the works of D. R. Kipling by the method of total selection served as a **material** for the research.

Statement of the base material. While creating a fiction text the author addresses hypothetical reader trying not only to give the information about the content of the text, but also to affect recipient's emotions, his/her world outlook, to interact with reader's world picture for the purpose of appropriate understanding and interpreting the work of fiction. So far as a fiction text unlike scientific or business one can't be emotionally neutral [3; 4], thus decisive importance for a researcher of a fictional discourse is stylistic marking of text structures. The usage of compounds plays an important role for solving these tasks because a compound unit often joins a referent's name and its description in one word.

Structural-semantic analysis of compounds in D. R. Kipling's works has shown a significant prevalence of substantive words over others. They are nouns built on the model

($n+n$), among which agentive nominative units with the suffix *-er* are most numerous. But there are also other structural models in the analyzed group, though not so many.

Compounds in R. Kipling's works have very specific meanings according to peculiarity of his characters. Kipling's characters are animals endowed with human qualities. Moreover, animal and human qualities are interlaced very closely and sometimes it is even difficult to distinguish whose qualities they are – human's or animal's ones. This interlace is expressed by compound nouns with the second component — *People: Snake-People, Jungle-People, Monkey-People*; sometimes *-Folk* is used as the second component with the same meaning: *Monkey-Folk, Elephant-Folk*.

Kipling's characters can think and speak like people, however, their statements are full of bright features of animals in such a way as people imagine them.

Especially valuable qualities among *Jungle-People* are the ability to hunt in an honest way, pursuing and gaining a victory over a prey. That's why agentive nominative units with the second component *-killer, -eater* (*man-eaters, cattle-killer, frog-eater, fish-killer* etc.) have pejorative connotations which underline low, even no value of a weak, unable prey and despise of such a "hunter" because no "*self-respecting animal*" degrades to such "hunting".

The animals in Kipling's jungle world are evidently divided into positive and negative characters. The positive ones are free hunters: wolves, Baloo the bear, Bagheera the panther, Kaa the snake; the negative ones are jackals and monkeys. The component *-log* in the names of these negative characters stresses the pejorativeness of their evaluation: *Gidur-Log, Bandar-Log*:

*"For a wolf, no," said Tabaqui, "but for so mean a person as myself a dry bone is a good feast. Who are we, the **Gidur-log** [the jackal people], to pick and choose?"*

A negative character is also the main criminal of the jungle – Shere Khan the tiger, who is such a mean creature to kill people and domestic animals that are not able to fight the tiger.

"The Wolves are a free people," said Father Wolf. "They take orders from the Head of the Pack, and not from any striped cattle-killer."

In this Father Wolf's statement all the contempt of the free tribe to the tiger is expressed with the help of epithet configuration *striped cattle-killer*.

The same despise-pejorative evaluation is expressed also in the words of the main character Mowgli:

"This cattle-killer said he would kill me in the Council because he had not killed me when I was a cub."

Pejorative evaluation of the animal is found in the characteristics of this tiger given by a common man from the nearest village:

"Buldeo was explaining how the tiger that had carried away Messua's son was a ghost-tiger, and his body was inhabited by the ghost of a wicked, old money-lender, who had died some years ago."

Describing the tiger as a creature whose body is inhabited by dead money-lenders' souls, a common man expresses not only fear of a big predator but also transfers onto Shere Khan the whole contempt of people to representatives of this profession.

But the greatest despise is given by free jungle-people to Tabaqui the jackal, who is characterized with the metaphors *Dish-licker* and *mischief-maker*:

"It was the jackal—Tabaqui, the Dish-licker—and the wolves of India despise Tabaqui because he runs about making mischief, and telling tales, and eating rags and pieces of leather from the village rubbish-heaps."

...Tabaqui is a mischief-maker..."

The apostates of the wolf pack, who don't want to hunt according to unwritten jungle law and support Shere Khan, are also set equal to the jackal:

"Akela the Lone Wolf lay by the side of his rock as a sign that the leadership of the Pack was open, and Shere Khan with his following of scrap-fed wolves walked to and fro openly being flattered."

Kipling's compound lexemes are not very various in structure — the majority of them are nouns of ($n+n$) model which combine the name and the most important feature of the referent (*Hunting-People, man-cub, Dish-licker etc.*). But there are some compound adjectives used in the stylistic functions of comparative and descriptive-evaluative epithets which play an important part in creation of imagery in the narrative context.

*“Baloo made one effort to hurry, but had to sit down panting, and so they left him to come on later, while Bagheera hurried forward, at the quick **panther-canter**.”*

In the given example the substantive lexeme **panther-canter** characterizes a hurry, in which Mowgli's friends rush for helping him.

The adjective compound **milk-white** adds imagery to the description of the neglected town in the following example:

*“But the walls were made of screens of marble tracery — beautiful **milk-white** fretwork, set with agates and cornelians and jasper and lapis lazuli, and as the moon came up behind the hill it shone through the open work, casting shadows on the ground like black velvet embroidery.”*

Another example expresses fascination of everyone around with python's movements; here the axiologically neutral lexeme **five-sided** gets certain meliorative connotations in the context of description of Kaa's hunting dance and stresses a horrible charm of his movements:

*“Then he began making loops and figures of eight with his body, and soft, oozy triangles that melted into squares and **five-sided** figures, and coiled mounds, never resting, never hurrying, and never stopping his low humming song.”*

Problems of human society are quite transparent in the relationships of jungle community: quarrelling for a prey, mutual respect (or disrespect), moral basis etc. But in spite of all similarities of problems, jungle community and human society are very different; the Mowgli's tragedy rises out of this difference. On the one hand, a child brought up by animals has got a perfect physical development and is able to survive in certain difficult

situations, but on the other hand, such a man cannot live in a human society having its own laws which completely differ from the laws of the animal world.

"Man-Pack and Wolf-Pack have cast me out," said Mowgli. "Now I will hunt alone in the jungle."

The problem of co-existence of a human and nature, lined up by D. R. Kipling, arises in its ugliness nowadays, when everyday comfort is weighed against the very existence in general. Now Kipling's works are considered in quite a different way: perhaps, the Nature shouldn't be won and changed, but maybe we must learn its laws and peacefully co-exist with it.

Research findings and prospects for future research. Kipling's compound lexemes are very specific because his characters are animals, living in certain community with its own laws. Peculiarities of these lexemes leave little perspective for their usualization because they were made for definite purposes. One cannot indeed imagine common usage of the words like *"bush-tailed idiot"*. However, we can mention an example of a usualized Kipling's lexeme – *dish-licker* – which has entered the language system as a pejorative-evaluative name of a sycophant.

Further researches in the sphere of usage of compound lexemes for verbalization of the problem of relationships between a human and his surrounding are considered to be perspective ones.

Литература

1. Дембовська Л. М. Пряма і непряма композитна номінація в англійській мові : соціодискурсивний аспект : дис... канд. філол. наук : 10.02.04 / Дембовська Людмила Михайлівна. — Київ, 2011. — 233 с.
2. Левицький А. Е. Основи функціональної лінгвістики / Левицький Андрій Едуардович. — Ніжин : Редакційно-видавничий відділ НДПУ. — 2004. — 124 с.
3. Лосева В. В. Корреляція категорій автор – читатель в художественном тексте / Лосева В. В. // Проблеми

лінгвістики тексту та лінгвометодики. — Львів : Львівський держ. ун-т ім. Івана Франка. — 1992. — С. 121–122.

4. Мороховский А. Н. К понятию прецикла стилистического анализа художественного текста / Мороховский А. Н. // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. — К. : «Вища школа». — 1978. — С. 68–75.

УДК 811.112.2'42:82-7

**Канд. филол. наук, доцент Букреева Л. Л.
Одесский национальный университет имени
И. И. Мечникова, Украина**

**Канд. филол. наук, доцент Диденко Н. Н.
Одесский национальный университет имени
И.И. Мечникова, Украина**

**СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОГО ЮМОРА И СПОСОБЫ
ЕГО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ**

(на материале произведения Дитера Нура
«Gibt es intelligentes Leben?»)

**Канд. філол. наук, доцент Букреєва Л. Л.
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова,
Україна**

**Канд. філол. наук, доцент Діденко Н. М.
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова,
Україна**

**СПЕЦИФІКА НІМЕЦЬКОГО ГУМОРУ ТА ЗАСОБИ
ЙОГО ВІДТВОРЕННЯ У ПЕРЕКЛАДІ**

(на матеріалі твору Дітера Нура «Gibt es intelligentes Leben?»)

**Candidate of Science (Philology) docent Bukreeva L.L.
Mechnikov national university of Odessa, Ukraine
Candidate of Science (Philology) docent Didenko N. N.
Mechnikov national university of Odessa, Ukraine**

SPECIFICS OF GERMAN HUMOR AND THE WAY OF ITS TRANSLATION

(Based on the work of Dieter Nuhr «Gibt es intelligentes Leben?»)

В статье рассматривается юмор в произведении Дитера Нура «Gibt es intelligentes Leben?» и способы его выражения, а также специфика и разновидности немецкого юмора. Описываются особенности перевода юмора с немецкого языка на русский.

Ключевые слова: юмор, виды юмора, воспроизведение комического эффекта в переводе.

У статті розглядається гумор у творі Дітера Нура «Gibt es intelligentes Leben?» та засоби його вираження, а також специфіка і різновиди німецького гумору. Описуються особливості перекладу гумору з німецької мови на російську.

Ключові слова: гумор, види гумору, відтворення комічного ефекту в перекладі.

The given article deals with study and analysis of the humor in the work of Dieter Nuhr «Gibt es intelligentes Leben?» and ways of its expression, as well as the specificity and variety of German humor. The author analyzes features of humor translation from German into Russian.

Key words: humor, kinds of humor, comic effect in the translation.

Актуальность проблемы исследования. Юмор, являясь по своей природе сложным и многоаспектным явлением, становился предметом рассмотрения различных научных дисциплин: лингвистики и литературоведения, эстетики и социологии, психологии и антропологии. Однако, в силу многообразия подходов к исследованию юмора и в силу многообразия форм его проявления, единого понимания того, что есть юмор, не существует.

Важным стилистическим компонентом как публичного выступления, так и литературного произведения является остроумие, то есть неожиданное соединение мыслей, которые, казалось бы, не находят точек соприкосновения. Остроумие выполняет самые разнообразные функции в речи: помогает установить контакт с аудиторией, восстановить

утраченное внимание, когда логические приемы оказываются бессильными, но главное — нанести удар по идейному противнику, выставить на общественное осмеяние социально-общественные пороки [5, с. 125].

Безусловно, для адекватного восприятия юмора необходимо наличие у говорящего / пишущего и слушателя / читателя одинакового социального и психологического опыта, а также их принадлежности к одной и той же культуре.

В юмористических текстах отчетливо выражена этнокультурная и этнопсихологическая специфика: в них отражены ценностные приоритеты и ориентации, культурные установки и стереотипы, типичные для ментальности данной страны. Все без исключения виды юмористических текстов основаны на языковой игре, которая проявляется в обманутом ожидании.

Юмористический вид мышления, так же как и художественное мышление, существует благодаря тому, что человеческий интеллект функционирует не только на основе формализованных логико-математических знаковых систем, но и на основе семантически диффузных кодов, важнейшим из которых является естественный язык.

Юмор продуцируется, как правило, посредством контекстуальной вариативности лексических значений, неоднозначности некоторых синтаксических конструкций, полисемии, омонимии, паронимии, идиоматичности. Вследствие этих особенностей, отличающих естественный язык от так называемых формализмов, высказывания и тексты, неправильные с точки зрения формальной логики, правильны лингвистически, что и способствует иррациональному и парадоксальному (в частности, юмористическому) мышлению [2, с. 4].

Постановка проблемы. Данная статья посвящена изучению юмора в прозе популярного немецкого сатирика, актёра и шоумена Дитера Нура. Его выступления пользуются огромной популярностью у жителей Германии, у

телепрограмм с его участием самые высокие рейтинги, его книги, DVD и CD мгновенно раскупаются.

Предметом данного исследования является произведение Дитера Нура «Gibt es intelligentes Leben?». **Цель** исследования — определить, над чем смеётся Дитер Нур, с помощью каких стилистических средств он свой юмор продуцирует и посредством каких приёмов немецкий юмор этого автора мог бы стать понятным для русскоязычного читателя.

Изложение основного материала. Дитер Нур родился в 1960 г., вырос в Рейнланд-Пфальце, и является, на сегодняшний день, единственным немцем, награжденным престижной немецкой премией за лучшее юмористическое шоу (Comedypreis) и Немецкой премией за эстрадное искусство. Дитер Нур считается интеллектуалом, философом в своей области юмористического шоу. 18 октября 2014 года ему присуждена премия имени Якоба Гримма «За популяризацию немецкого языка». «Дитер Нур создает интеллектуальное кабаре. Он мастерски владеет немецким литературным языком, с лёгкостью сочетая высокий стиль с просторечиями и иностранизмами. Нур не только внимательно следит за качеством того, что и как говорится, но и пробуждает у слушателей интерес к языку, побуждает размышлять о языке».

Немецкие критики относят юмор Нура к так называемому «интеллектуальному кабаре». «Das Kabarett» — 1. Искусство миниатюр (малые формы литературы, театра и музыки), политические злободневные номера; 2. Кабаре, кабачок; Эстрадный дивертисмент. Использовать лексему «кабаретист», характеризуя деятельность Нура, на наш взгляд, не целесообразно, поскольку данная лексема в русском обладает коннотациями, не сочетающимися с понятием «интеллектуальный юмор».

Лингвострановедческое и лингвокультурологическое исследование немецкого юмора на материале текстов Дитера Нура проводится нами в целях разработки способов его

толкования для представителей инокультурного социума, в том числе при переводе немецкого юмора на русский язык.

На протяжении XX века в силу сложившихся обстоятельств за немцами в Европе закрепились некоторые стереотипы относительно ментальных свойств их характера. Считается, что немцы трудолюбивы, законопослушны, бережливы, но при этом крайне экономны, чрезмерно педантичны, совершенно лишены чувства юмора.

Немецкий юморист Экарт Хиршхаузен считает, что «немецкий юмор гораздо лучше, чем слава о нём» [8]. В Германии так же как и во многих других странах есть много хороших юмористических журналов и шоу. Среди наиболее известных юмористов следует отметить Лорио, Хайнца Эрхарда, Отто Волкеса, и Хельгу Шнайдер. Предрассудки о том, что немцы лишены чувства юмора, приводят к тому, что ни англичанин, ни француз никогда не интересуется немецким юмором. Едва ли кто-то за пределами Германии знаком с творчеством Лорио, в то время как в Германии его считают национальным героем. В Бремене в 2013 году в честь известного немецкого юмориста установлен памятник — бронзовая софа с сидящим на ней мопсом. При этом сложно найти немца, который не был бы знаком с творчеством Чарли Чаплина, не знал Бастера Китона, мистера Бина, Луи де Фюнеса и т.д. Среднестатистический немец намного лучше знаком с иностранными юмористами, чем представители других национальностей с немецким юмором. Исходя из выше сказанного, можем предположить, что немцы юмор понимают и принимают, однако их юмор не находит своего реципиента за пределами страны.

По мнению Бернгарда Виктора фон Бюлова, известного в Германии под псевдонимом Лорио: «немцы смеются также охотно, как и все остальные, но они острее чувствуют разницу между юмором и серьёзностью. Немцы зачастую ждут сигнала, когда можно засмеяться. Лорио весьма сожалел об этом. Героями Лорио часто становились персонажи, лишённые даже намёка на чувство юмора.

«Немцам следовало бы иногда смешивать юмор и серьёзное, попробовать засмеяться в той ситуации, где уместнее сделать серьёзное лицо» [8]. Лорио учил немцев смеяться над собой и видеть забавное и абсурдное в совершенно обыденных жизненных ситуациях. Страна, пережившая две мировые войны и последующий раскол, казалось, окончательно утратила способность смеяться [3, с. 185].

Что же касается разновидностей немецкого юмора, то следует отметить, что их многообразие обусловлено большим количеством диалектов, в которых схожие лексемы отличаются по своему значению и звучанию, что даёт юмористам богатый материал для создания комического эффекта. Диалектальная особенность в чём-то отражает и специфику нравов. Так, например, одиннадцатая статья основного закона земли Рейнланд-Пфальц гласит: «*Do laachs de disch kapott*», что приблизительно обозначает: «смеяться надо до смерти или так, чтобы надорвать животы от смеха».

Лингвисты выделяют так называемый «чёрный юмор» — «*der schwarze Humor*» это разновидность юмора, где предмет осмеяния выступают такие табуированные понятия как религия, смерть и т.д., «сухой юмор» — «*trockener Humor*» — более известный нам как интеллектуальный юмор или игра слов. Например: *Der Kellner fragt: «Möchten Sie nicht mal von unserem leckeren Eiswein probieren.» Der Gast antwortet: «Ja, gerne, aber nur einen Würfel».* Циничные грубые шутки характеризуют как «солдатский юмор» — «*faule Witze*». Различают также комизм положения, не связанный с речевой деятельностью, когда нелепость ситуации, тем не менее, порождает смех зрителей. Так комизм положения лёг в основу всех комедийных фильмов немого кино.

Юмор в речевой коммуникации возникает как необходимость говорящего посмеяться над своими или чужими неудачами, оплошностями, промахами, облегчить свою боль, избавиться от неуверенности и преодолеть, таким образом, негативную ситуацию.

Юмор в глазах реципиента всегда субъективен. То, что одному человеку кажется смешным, для другого кощунство и святотатство. Поэтому карикатуры французской газеты «Charlie Hebdo» смешны для христиан, но обижают религиозные чувства исламистов. Субъективное восприятие юмора приводит к тому, что комический компонент текста может легко ускользнуть от переводчика и остаться попросту неузнанным в силу особенностей своей структуры. Так, например, если в следующей фразе: «*Das Lesen wird offenbar auch im Zeitalter von Internet und Buchstabensuppe immer noch mit Intelligenz in Verbindung gebracht*» [7, p.17] лексему «*Buchstabensuppe*» перевести как «*алфавитный супчик*», то русский читатель едва ли поймёт, что речь идёт о мучных изделиях в виде алфавита и комический эффект в переводе будет частично утрачен.

Готовность понимать юмор базируется не только на личностных особенностях человека, но и на определенных стереотипах поведения, принятых в той или иной культуре. В процессе перевода переводчик обязан определить, каким способом была создана та или иная комическая ситуация, какие приемы были использованы автором, и на какую аудиторию рассчитан комический эффект.

Проведенное исследование текстов Дитера Нур позволяет сделать вывод, что объектом высмеивания чаще всего становятся религиозный фанатизм и социальная несправедливость.

Так, например, в следующем примере посредством парадокса Нур высмеивает библейскую истину о сотворении человека Господом Богом, который впоследствии, разочаровавшись в своём творении, подвергает человека наказаниям: «*Dann kann man sogar glauben, dass ein allwissender Gott den Menschen geschaffen hat, um später, völlig überrascht von dessen Schlechtigkeit, Strafen für ihn zu ersinnen und ihn am Ende vor Gericht zu stellen*» [7, p. 40].

С откровенным сарказмом Дитер Нур осуждает любой тоталитарный режим, созданный человеком. Крайнюю

степень человеческой глупости он демонстрирует, сравнивая людей с животными, которым не присуще уничтожать представителей своего вида якобы исключительно из-за отсутствия интеллекта: «*Völkermord, Massenerschießungen und politisch motivierte Säuberungen kommen unter Stubenfliegen und Hausschweinen überhaupt nicht vor. Dazu fehlt ihnen die Intelligenz*» [7, p. 35].

В следующей таблице приводятся примеры, где язык перевода позволяет воссоздать комический эффект с помощью тех же стилистических средств, которые использует автор в исходном тексте.

Таблица 1.

Воспроизведение комического эффекта в тексте перевода посредством сохранения стилистического приёма.

текст оригинала	текст перевода	переводческий приём
«Bedanken möchte ich mich...auch bei meinen Eltern, deren <i>genetische Ausstattung</i> die Grundlage dafür ist, dass ich die Frage überhaupt zu stellen in der Lage bin.» [7, p. 23].	Я благодарен моим родителям за <i>генетическую оснастку</i> , позволившую мне задаться подобным вопросом.	сохранение метафоры
«...deshalb sollte man es auch nicht «durch <i>übermäßiges</i>	Мозг не нужно <i>портить</i>	воспроизведение
<i>Продолжение таблицы 1</i>		
<i>Saufen</i> oder <i>das Lesen schlechter Zeitungen kaputtmachen</i> » [7, p. 62].	<i>чрезмерным пьянством</i> или <i>чтением</i> плохих газет.	метафоры и зевгмы

<p>«Als Hirnforscher sollte man über <i>den ganzen Mist</i> schon besser Bescheid wissen» [7, p. 65].</p>	<p>Исследователь мозга должен лучше других разбираться <i>во всей этой ерунде</i>.</p>	<p>воспроизведение просторечия</p>
<p>«Das Großhirn ist, <i>grob</i> gesagt, <i>der Sitz</i> unseres Bewusstseins» [7, p. 66].</p>	<p>Головной мозг является, грубо говоря, <i>местом пребывания</i> нашего сознания.</p>	<p>имитация стиля деловой речи</p>
<p>«Blöd zu sein, ist <i>eine Gabe Gottes</i>» [7, p. 45].</p>	<p>Глупость – это <i>дар Божий</i>.</p>	<p>воспроизведение устойчивого выражения</p>
<p>«Kann ja auch sein, dass <i>ich mich</i> da gerade <i>selbst übers Ohr haue</i>» [7, S. 12].</p>	<p>Вполне возможно, что я <i>сам себя вожу за нос</i>.</p>	<p>воспроизведение фразеологизма</p>
<p>«Wir <i>diagnostizieren</i> bei allen ... <i>totale Schwachsinnigkeit</i>» [7, p. 9].</p>	<p>Всем остальным мы ставим <i>диагноз</i> полнейшие «слабоумие».</p>	<p>воспроизведение иностранизма</p>

Если создание комического эффекта в переводе невозможно теми же стилистическими средствами, которыми воспользовался автор, то переводчик вынужден прибегнуть к различного рода трансформациям. Более сложные преобразования применяются в случае развернутого юмористического контекста, выходящего за пределы предложения.

Таблица 2.

Воспроизведение комического эффекта в тексте перевода посредством переводческих трансформаций.

текст оригинала	текст перевода	переводческий приём
«Wichtig ist vor allem die Großhirnrinde, <i>da sich dort entscheidet, ob man bekloppt ist oder nicht</i> » [7, p. 65].	<i>Кора головного мозга решает</i> , обдурили тебя или нет.	ввод персонификации
«Cogito, ergo sum», sagte Descartes, was so viel heißt wie: «Ich denke, also bin ich kein Meerschwein» [7, p. 74].	Декарт сказал «Cogito, ergo sum», то есть «я думаю, значит, я <i>точно</i> не морская свинка».	усиление комического эффекта посредством введения дополнительной лексемы
«Völkermord, Massenerschießungen und politisch motivierte Säuberungen kommen unter Stubenfliegen und Hausschweinen überhaupt nicht vor: Dazu fehlt ihnen die Intelligenz» [7, p. 35].	Среди мух и домашних свиней не бывает <i>геноцида, массовых расстрелов и политических</i> чисток: им для этого не хватает интеллекта.	изменение порядка слов
«...dabei sind ein paar tausend Fotos entstanden, die gemeinsam eine <i>veritable</i> Bilderschau ergeben» [7, p. 15].	...тысячи фотографий дают вполне <i>достоверную</i> картину.	замена иностранизма
«...aber glauben Sie mir: <i>Cerebral</i> herrscht beim Menschen <i>formlose Wirrnis</i> » [7, p. 12].	Уж поверьте мне: в <i>мозгу</i> у человека царит <i>полнейший хаос</i> .	замена латинизма и использование фразеологизма
«Wenn Blödheit den Menschen in den Selbstmord treiben könnte, wäre Überbevölkerung wahrscheinlich kein Thema <i>mehr auf dieser Welt</i> . Aber wir hätten ein Problem mit der Enge	Если б глупость доводила человека до самоубийства, то не возникла б проблема с перенаселением. Но <i>тогда</i> проблемой стала бы	
auf <i>unseren</i> Friedhöfen» [7, p. 11].	теснота на кладбищах.	опускание и добавление отдельных лексем
«...um dem nach einmaligem Lesen meist unbeachtet vor sich hin vegetierenden Buch das <i>Gefühl zu geben</i> , es würde noch gebraucht» [7, p. 16].	(человек придумал книжную полку) ...чтобы бедной хиреющей книжке <i>внушить мысль</i> , что ее будут еще раз читать.	замена образа в связи с сочетаемостью

«Der Mensch ist der größte
Simulant des Denkens
überhaupt» [7, p. 74].

Человек – самый
отъявленный
симулянт
мыслительного
процесса.

сохранение
сочетаемости слов и
выбор эквивалентного
синонима

Выводы и перспективы дальнейшего исследования.

Таким образом, перевод юмора подразумевает способность переводчика 1) декодировать комический элемент в рамках оригинального текста, 2) выразить в новой языковой форме намерение автора исходного текста и 3) вызвать соответствующую реакцию у иноязычного читателя.

В заключении стоит отметить, что выполнить эквивалентный перевод с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями удаётся в тех случаях, когда это позволяют как лексический, так и грамматический строй языка перевода. Сохранить комический эффект в переводе возможно лишь при условии совпадения социально-культурных ассоциаций. В том случае, когда смысл комического приёма неочевиден для иноязычной культурной среды, переводчику целесообразно трансформировать исходный текст, чтобы достичь эквивалентной реакции получателя.

Столь почитаемый немецкой публикой Дитер Нур подходит к исследованию разума не только с культурологической, но и с физиологической точки зрения. Обилие в его текстах иностранизмов и медицинских терминов создают иллюзию научного текста. Его изыскания не претендуют на фундаментальность выводов, зато дарят читателю источник положительных эмоций и возможность посмеяться над другими и над самим собой.

Литература

1. Кияк Т. Р., Огуй О. Д., Науменко А. М. Теорія та практика перекладу (німецька мова). — Вінниця : Нова книга, 2006. — 592 с.
2. Кулинич М. А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дисс. ... докт. культуролог. н.; специальность: 24.00.04 — прикладная культурология / Марина Александровна Кулинич. — М. : Московский пед. гос. ун-т., 2000. — 37 с.
3. Маскарова Т. А. Социо-психологическое портретирование как способ изучения языковой личности автора юмористического текста // Т. А. Маскарова / Язык и культура. Серия: Языкознание, язык и ментальность. Выпуск № 18. — 2015. — С.181-185.
4. Палкевич О. Я. Языковой портрет феномена иронии : на материале современного немецкого языка : дисс. ...канд. филол. наук / О. Я. Палкевич. — Иркутск, 2001. — 212 с.
5. Рожнева Е. М. Специфика перевода иронии и юмора с английского языка на русский // Е. М. Рожнева, В. В. Вегнер, П. Н. Привалов / Научные исследования и разработки молодых ученых. — Вып. № 1. — ГРНТИ: 16 – Серия : Языкознание. — С. 124-128.
6. Liebold A. The translation of humour; Who says it cannot be done? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.erudit.org/revue/meta/1989/v43/n1/003459ar.pdf>.
7. Nuhr D. Gibt es intelligentes Leben? / Dieter Nuhr. — KCS GmbH Hamburg, 2011. — 188 S.
8. Poschardt U. Der deutsche Witz wird grandios unterschätzt. — Welt, 2016. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.erudit.org/revue/meta/1989/v43/n1/003459ar.pdf>.

УДК 37

Макаренко А. Г.

викладач підготовчого факультету КНУ ім. Тараса

Шевченка, Україна

МИСТЕЦТВО КИЇВСЬКОЇ РУСИ

Макаренко А. Г.

**преподаватель подготовительного факультета КНУ им.
Тараса Шевченко, Украина
ИСКУССТВО КИЕВСКОЙ РУСИ**

**Макаренко А. Г.
Lecturer at the Taras Shevchenko's KNU preparatory faculty,
Ukraine
KYIVAN'S RUS ART**

Дивом уціліле від руйнації мозаїчне зображення Оранти отримало назву "Нерушимої стіни", стало національним символом вічності народу і його культури. На початку XIII в. прославилася ярославська школа іконопису. У монастирях і церквах Ярославля було написано чимало чудових іконописних творів. Особливо відома серед них так звана «Ярославская Оранта», що зображувала Богородицю. На другу половину XIII - XV ст. припадає подальший розвиток мистецтва скоморохів - народних лицедіїв, співаків, музикантів, танцюристів.

Ключові слова: іконопис, Ярослав Мудрий, билина, Народні лицедії, «Ярославська Оранта»

Чудом уцелевшее от разрушения мозаичное изображение Оранты получило название "Нерушимая стена", стало национальным символом вечности народа и его культуры. В начале XIII в. прославилась ярославская школа иконописи. В монастырях и церквах Ярославля было написано немало замечательных иконописных произведений. Особенно известна среди них так называемая «Ярославская Оранта», изображавшая Богородицу. На вторую половину XIII - XV вв. приходится дальнейшее развитие искусства скоморохов - народных лицедеев, певцов, музыкантов, танцоров.

Ключевые слова: иконопись, Ярослав Мудрый, былина, Народные лицедеи, «Ярославская Оранта»

Miraculously surviving the destruction of the mosaic image Oranta was named "inviolable wall" has become a national symbol of the eternity of the people and its culture. At the beginning of the XIII century. famous Yaroslavl school of icon painting. In monasteries and churches of Yaroslavl has been written many wonderful iconic works. Particularly notable among these so-called "Yaroslavl Orans", depicting the Virgin. In

the second half of the XIII - XV centuries. We have to further develop the art of buffoons — folk of actors, singers, musicians, dancers.

Keywords: *icons, Yaroslav the Wise, epic, folk mummings, "Yaroslav Orans"*

Перлиною давньоруської архітектури стала церква Святої Софії, будівництво якої було започатковано 1037 р. й тривало 5-7 років поспіль.

Вона також зводилася візантійськими майстрами, хоча до будівництва залучалися й місцеві сили. За задумом, Свята Софія мала символізувати Дім Премудрості Божої, Небесної Софії, яку уособлювали і вселенська християнська Церква як зібрання вірних, і як її прообраз – Матір Божа.

Ідею цього храму було підказано центральним собором Константинополя, але за проектом він належав до іншого типу споруд. Розміщена під одним грандіозним куполом, величезна царгородська Софія була типовим базилікальним храмом. Київська Софія мала дещо менші розміри й будувалася за хрестово-купольною моделлю.

Софійському собору впродовж віків судилося лишатися і неперевершеним архітектурним шедевром, і, водночас, відповідно до задуму князя Ярослава Мудрого, втіленням ідеї духовної й політичної самостійності, а також соборності давньоруських земель. У різні часи споруда храму зазнавала часткової руйнації, а тому перебудовувалась і оздоблювалась. Восанне Софію архітектурно модернізовано при гетьмані Мазепі, коли собор набув рис поширеного в українській культурі XVII ст. стилю козацького бароко.

За назвою Софійський собор у Києві повторює константинопольський, але являє собою абсолютно оригінальну, самостійну архітектурну споруду. У своєму первинному вигляді собор являв собою п'ятинефну хрестокупольну будівлю з тринадцятьма куполами (символ Христа і дванадцяти апостолів).

Всі п'ять нефів на сході закінчувалися апсидами, а в центральній апсиді розташовувався вівтар. Дванадцять малих

куполів сходишками підіймалися до великого центрального купола. Зовні до будівлі з трьох боків примикала арочна галерея, що загалом створювало пірамідальну композицію.

Вся споруда була розрахована так, щоб при порівняно невеликому обсягу створити відчуття величі і гармонії.

Багатоглав'я, пірамідальність композиції, оригінальна кладка, шоломоподібна форма куполів - ось те нове, що давньоруські майстри привнесли у візантійську школу, спираючись на традиції дерев'яної архітектури. Київський Софійський собор став зразком при будівництві соборів у Новгороді та Полоцьку.

Староруське мистецтво - живопис, скульптура, музика - із прийняттям християнства також пережило суттєві зміни. Поганська Русь знала всі ці види мистецтва, але в чисто поганському, народному виразі. Древні різьбярники по дереву, каменерізи створювали дерев'яні і кам'яні скульптури поганських богів, духів, живописці розмальовували стіни поганських капищ, робили ескізи магічних масок, що потім виготовлялися ремісниками; музиканти, граючи на струнних і духових дерев'яних інструментах, звеселяли племінних вождів, розважали простий народ.

Християнська церква внесла в ці види мистецтва цілком інший зміст.

Церковне мистецтво підпорядковане вищій цілі - оспівати християнського Бога, подвиги апостолів, святих, діячів церкви. Якщо в поганському мистецтві «плоть» тріумфувала над «духом» і затверджувалося все земне, що уособлює природу, то церковне мистецтво оспівувало перемогу «духу» над плоттю, підтверджувало високі подвиги людської душі заради моральних принципів християнства. У візантійському мистецтві, що рахувалося в ті часи самим зробленим у світі, це знайшло вираження в тому, що там і живопис, і музика, і мистецтво ліплення створювалися в основному по церковних канонах, де відсікало усе, що суперечило вищим християнським принципам. Аскетизм і строгість у живописі (іконопис, мозаїка, фреска), піднесеність, «божественність»

грецьких церковних молитов і песнопений, сам храм, що стає місцем молитовного спілкування людей, - усе це було властиво візантійському мистецтву. Якщо та або інша релігійна, богословська тема була в християнстві разом і назавжди строго встановлене, те і її вираження в мистецтві, на думку візантійцев, повинно було виражати цю ідею лише раз і на завжди встановленим образом; художник ставав лише слухняним виконавцем канонів, що диктувала церква.

І от перенесене на руський ґрунт канонічне по змісту, блискуче по своєму виконанню мистецтво Візантії зіткнулося з поганським світосприйманням східних слов'ян, із їхнім радісним культом природи - сонця, весни, світла, із їх цілком земними уявленнями про добро і зло, про гріхи і чесноти. З перших же років візантійське церковне мистецтво на Русі випробувало на собі всю міць руської народної культури і народних естетичних уявлень.

Вище вже йшла мова про те, що однокупольний візантійський храм на Русі XI в. перетворився в багатокупольну піраміду, основу якої складало руське дерев'яне зодчество. Те ж відбулося і з живописом. Уже в XI в. сувора аскетична манера візантійського іконопису перетворювалась під пензлем руських художників у портрети, близькі до натури, хоча руські ікони і несли в собі всі риси умовного іконописного образу. У цей час прославився печерський чернець-маляр Алимпій, про якого сучасники говорили, що він «іконі писать хитр бе [був] зело». Про Алимпія розповідали, що іконописання було головним засобом його існування. Але зароблене він витрачав дуже своєрідно: на одну частину купувала усе, що було необхідно для його ремесла, другу віддавав біднякам, а третю жертвував у Печерський монастир.

Поряд з іконописом розвивався фресковий живопис, мозаїка. Фрески Софійського собору в Києві показують манеру письма тутешніх грецьких і руських майстрів, їхня схильність людському теплу, цілісності і простоті. На стінах собору ми бачимо і зображення святих, і сім'ю Ярослава

Мудрого, і зображення руських блазнів, і тварин. Чудовий іконописний, фресковий, мозаїчний живопис наповняв і інші храми Києва.

Відомі своєю великою художньою силою мозаики Михайловського Златоверхого монастиря з їхнім зображенням апостолів, святих, що загубили свою візантійську суворість: образи їх стали більш м'якими, округлими. Пізніше укладалася новгородська школа живопису. Її характерними рисами стали ясність ідеї, реальність зображення, доступність. Від XII в. до нас дійшли чудові твори новгородських живописців: ікона «Ангел Златые власы», де при усій візантійській умовності образ Ангела відчувається трепетна і гарна людська душа. Або ікона «Спас Нерукотворный» (також XII в.), на якій Христос із своїм виразним зламом брів предстає грізним, усе розуміючим суддею людського роду. У іконі «Успіння Богородиці» в обличчях апостолів відбита уся скорбота втрати. І таких шедеврів Новгородська земля дала чимало. Достатньо пригадати, наприклад, знамениті фрески церкви Спасу на Нередице біля Новгорода (кінець XII в.).

На початку XIII в. прославилася ярославська школа іконопису. У монастирях і церквах Ярославля було написано чимало чудових іконописних творів. Особливо відома серед них так звана «Ярославская Оранта», що зображувала Богородицю. Її прообразом стало мозаїчне зображення Богородиці в Софійському соборі в Києві роботи грецьких майстрів, що запам'ятали сувору владну жінку, що простирає руки над людством. Ярославські ж умільці зробили образ Богородиці тепліше, людяніше. Це насамперед мати-заступниця, що несе людям допомогу і співчуття, візантійці бачили Богородицю по-своєму, руські живописці - по-своєму.

Протягом довгих сторіч на Русі розвивалося, удосконалювалося мистецтво різьблення по дереву, пізніше - по камені. Дерев'яні різьблені прикраси взагалі стали характерною рисою жителів городян і селян, дерев'яних храмів.

Чудовим різьбленням славилися посуд. У мистецтві різьбярів із найбільшою повнотою виявлялися руські народні традиції, уявлення русичів про прекрасне і витончене. Знаменитий художній критик другої половини ХІХ - початку ХХ в. Стасов писав: «Є ще прірва людей, що уявляють, що потрібно бути витонченим тільки в музеях, у картинах і статуях, у величезних соборах, нарешті, в усім винятковому, особливому, а що стосується до іншого, то можна розправлятися як ні потрапило - мовляв, пусте і нісенітне... Немає, теперішнє, суцільне, здорове справді мистецтво існує лише там, де потреба у витончених формах, у постійній художній зовнішності простерлася вже на сотні тисяч речей, що щодня оточують наше життя». Древні русичі, огороджуючи своє життя постійною скромною красою, давно підтвердили справедливість цих слів.

Це стосувалося не тільки різьблення дереву і каменю, але і багатьох видів художніх ремесел. Витончені прикраси, справжні шедеври створювали староруські ювеліри - золотих і срібних діл майстри. Вони робили браслети, сережки, підвіски, пряжки, діадеми, медальйони, обробляли золотом, сріблом, емаллю, дорогоцінними каменями посуд, зброю. З особливими старанням і любов'ю майстри-умільці прикрашали оклади ікон, а любов'ю майстри-умільці прикрашали оклади ікон, а також книги. Прикладом може служити мистецьки оброблений шкірою, ювелірними прикрасами оклад «Остромирова євангелія», створеного за замовленням київського посадника Остромира в часи Ярослава Мудрого.

Дотепер викликають захоплення зроблені київським ремісником сережки (ХІ-ХІІ вв.): каблучки з півкруглими щитами, до яких припаяні по шість срібних конусів із кульками і 500 колечками діаметром 0,06 см із дроту діаметром 0,02 см. На колечках закріплені малюсінкі зернятка срібла діаметром 0,04 см. Як робили це люди, не володіючи збільшувальними приладами, уявити собі важко.

Активно розвивалося декоративно-прикладне мистецтво. Вироби з дерева, металу, кістки, каменю, глини не просто задовольняли потреби людей, але й прикрашали їх життя. Характерним для творів прикладного мистецтва був рослинний орнамент, на відміну від геометричного візантійського.

Особливо вражають високою естетикою і технікою виконання ювелірні вироби. Були відомі і застосовувалися чорніння срібла, лиття з дорогоцінних металів, карбування, інкрустація, техніка скані (узори з тонких металевих ниток) і зерні (прикраси з напаяних дрібних металевих кульок). Вершина ювелірного мистецтва - техніка перегородчатої емалі. Прийшла вона з Візантії, але незабаром київські майстри перевершили вчителів. Процес виготовлення схематично виглядав так. На золоту пластину наплавляли тонкі золоті перегородки, отримані порожнини заповнювали емалевим порошком і розплавляли його. У древніх скарбах знайдені прикраси з зображенням сирен, дерева життя, квіткового орнаменту. Німецький знавець ремесел Теофіл (XI ст.), перелічуючи в своїй записці країни, які уславилися в різних мистецтвах, на почесному місці назвав Русь, майстри якої були відомі своїми виробами “з золота з емаллю і з срібла з черню”.

Розвивалися гончарна справа, ткацтво, вичинка й обробка шкіри, різьблення по каменю і дереву. З льону, конопель і вовни слов'янки ткали чудові сукна і полотна, їм було знайоме складне малюнкове ткання і вишивка. Високим умінням відрізнялися майстри обробки шкір. Недаремно в усній народній творчості склалися оповіді про кожем'як - людей умілих, сильних і відважних. Усього ж дослідники нараховують у названій час в давньоруських містах від шістдесяти до ста різних ремісничих спеціальностей. Спеціалізація при цьому йшла не за матеріалом, а за готовим виробом: мечники, щитники, сидельники, ювеліри займали в містах цілі вулиці. Щоб виготувати свій виріб від початку до

кінця, кожний з майстрів повинен був володіти принаймні декількома спеціальностями.

Коріння килимарства сягає глибокої давнини. Археологічні матеріали стверджують, що на території сучасної України в побуті вживалися узорні тканини, килими. Ними завішували стіни, покривали скрині, столи, долівку, платили данину, використовували у святкових, урочистих, весільних і похоронних обрядах.

Найдавніші письмові відомості про килими X ст. зберегли подорожні записки іноземних мандрівників, літописи, давньоруські билини, історичні пісні, колядки тощо. Так, у Лаврентіївському літописі відзначено, що вбитого Олега "вынесома и положима на ковре" (977 р.), на килим клали і князів Володимира (1015 р.), Василька (1097 р.), Андрія Боголюбського (1175 р.).

У записках арабського мандрівника Ібн-Фадлана (1 пол. X ст.) також йдеться про те, що килимами місцевого виготовлення застеляли лави для померлих. Символічно звучить записане у літописі звернення Володимира Мономаха на з'їзді князів 1100 р.: "Да еси пришел и сидити с братьею своею на едином ковре" .

Дослідники вважають, що килими часів Київської Русі були місцевого виробництва. Їх виготовляли килимовою технікою в кольорові контрастні смуги, розміщували орнаментальні геометричні мотиви. З XV ст. є відомості про привозні килими зі східних країн. Наприклад, у Львові 1474 р. східні килими продавалися по золотому за лікоть [4]. У документах XV ст. (описах панського майна, скаргах, судових актах) дуже часто зустрічаються записи про місцеве виготовлення килимів та про майстрів-килимарів. Так, у документах волинської поміщиці Марії Голштанської згадуються квіткові килими на чорному, жовтому і білому тлі, є й відомості про невідьника-ткача.

Вишивка — одне з найпопулярніших, найдавніших народних ремесел в Україні. Вишиті сорочки були популярними в Київській Русі, про що свідчать мініатюри

давніх літописів, спогади іноземців. На половецьких кам'яних жіночих скульптурках XI—XIII ст., теж знайдених на Полтавщині, — елементи вишивки на манжетах і подолах убрання. Вишивку епохи Гетьманщини можна побачити на народних картинах “Козак Мамай” та “Козак-бандурист”.

Складовою частиною мистецтва Русі було музичне, співоче мистецтво. У «Слові о полку Ігореві» згадується легендарний сказитель-співак Боян, що «напускав» свої пальці на живі струни і вони «самі князям славу рокотали». На фресках Софійського собору ми бачимо зображення музикантів, що грають на дерев'яних духових і струминних інструментах - лютні і гусях. З літописних повідомлень відомий талановитий співак Митус у Галичі. У деяких церковних творах, спрямованих проти слов'янського поганського мистецтва, згадуються вуличні блазні, співаки, танцюристи; існував і народний ляльковий театр. Відомо, що при дворі князя Володимира, при дворах інших видних руських владарів під час бенкетів присутніх розважали співаки, розповідачі казок, виконавці на струнних інструментах.

І, звичайно, важливим елементом усієї староруської культури був фольклор - пісні, сказання, билини, прислів'я, приказки, афоризми. У весільних, застільних, похоронних піснях відбивалися багато рис життя людей того часу. Так, у древніх весільних піснях говорилося і про той час, коли наречених викрадали, «умыкали» (звичайно, із їхньої згоди), у більш пізніх - коли їх викупували, а в піснях уже християнського часу йшла мова про згоду і нареченої, і батьків на шлюб.

Цілий світ руського життя відкривається в билинах. Їхній основний герой - це богатир, захисник народу. Богатирі володіли величезною фізичною силою. Так, про улюбленого руського богатиря Іллю Муромця говорилося: «Куди не махне, отут і вулиці лежать, куди відверне - із провулками». Одночасно це був дуже миролюбний герой, що брався за зброю лише у випадку крайньої необхідності. Як правило,

носієм такої невгамовної сили є виходець із народу, селянський син. Народні богатирі володіли також величезною чарівницькою силою, мудрістю, хитрістю. Так, богатир Волхв Всеславич міг обертатися сизим соколом, сірим вовком, міг стати і Туром-Золоті роги. Народна пам'ять зберегла образ богатирів, що вийшли не тільки із селянського середовища, - боярський син Добриня Никитич, представник духівництва хитрий і виверткий Альоша Попович. Кожний із них мав свій характер, своїми особливостями, але усі вони були як би виразниками народних сподівань, дум, надій. І головною з них був захист від лютих ворогів.

У билинних узагальнених образах ворогів вгадуються і реальні зовнішньополітичні супротивники Русі, боротьба з котрими глибоко ввійшла у свідомість народу. Під ім'ям Тугарина проглядається узагальнений образ половців із їхнім ханом Тугорканем, боротьба з який зайняла цілий період в історії Русі останньої чверті XI в. Під ім'ям «Жидовина» виводиться Хазарія, державною релігією якої було іудейство. Руські билинні богатирі вірно служили билинному ж князю Володимирові. Його прохання про захист Батьківщини вони виконували, до них він звертався у вирішальні часи. Непростими були відношення богатирів і князя. Були тут і образа, і нерозуміння. Але усі вони - і князь і герої зрештою вирішували одне загальне діло - діло народу. Вчені показали, що під ім'ям князя Володимира не обов'язково мається на увазі Володимир I. У цьому образі злився узагальнений образ і Володимира Святославича - воїтеля проти печенігів, і Володимира Мономаха - захисника Русі від половців, і образ інших князів - сміливих, мудрих, хитрих. А в більш древніх билинах відбилися легендарні часи боротьби східних слов'ян із киммерийцями, сарматами, скіфами, із усіма тими, кого степ настільки щедро посилав на завоювання східнослов'янських земель. Це були старі богатирі зовсім древніх часів, і билини, що розповідають про неї, те саме що епос Гомера, древньому епосу інших європейських і індоєвропейських народів.

На другу половину XIII - XV ст. припадає подальший розвиток мистецтва скоморохів - народних лицедіїв, співаків, музикантів, танцюристів. При князівських дворах концентрувалися співаки, які складали “хвалу” на честь бойових подвигів князя і його дружини. У народному середовищі були поширені ігрові, обрядові і трудові пісні. Кобзарі виконували думи в супроводі гри на кобзі-бандурі або лірі. Історія зберегла тільки окремі імена придворних поетів та співців.

Література:

1. Історія світової та української культури. — К., 2000.
2. Історія світової культури. Культурні регіони. — К., 1997.
3. Історія української та зарубіжної культури. — К., 1999.
4. Культура українського народу. — К., 1994.
5. Лекції з історії світової та вітчизняної культури. — Л., 1994. — Л., 1994.
6. Лосєв І. В. Історія і теорія світової культури: Європейський контекст / І. В. Лосєв. — К., 1995.

УДК 811.111'373

**Канд. филол. н. Панченко С. А.
Днепропетровский национальный университет имени
Олеся Гончара, Украина
РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ТЕЛЕДИСКУРС В МАТРИЦЕ
ДИСКУРСОВ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Канд. філол. н. Панченко С. А.

**Дніпропетровський національний університет імені
Олеся Гончара, Україна
РОЗВАЖАЛЬНИЙ ТЕЛЕДИСКУРС У МАТРИЦІ
ДИСКУРСІВ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ**

**Candidate of Science (Philology), Panchenko S. A.
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine
ENTERTAINING TV DISCOURSE IN THE RUSSIAN
DISCOURSE MATRIX**

У статті розглядається особливий вид сучасного дискурсу – розважальний дискурс, запропонований на телебаченні. Мета статті — з'ясування місця розважального теледискурсу в матриці існуючих дискурсів. Для досягнення цієї мети розв'язуються такі завдання, як аналіз існуючих визначень поняття дискурсу; зіставлення існуючих класифікацій дискурсів; визначення поняття розважального теледискурсу. Проаналізовано існуючі підходи до дефінування поняття дискурсу та його типології. Визначено місце розважального теледискурсу у вказаній типології.

Ключові слова: дискурс, класифікація, інституційний дискурс, розважальний дискурс, теледискурс.

В статье рассматривается особый вид современного дискурса – развлекательный дискурс, представленный на телевидении. Цель статьи — выявление места развлекательного теледискурса в матрице существующих дискурсов. Для достижения данной цели решаются такие задачи, как анализ существующих определений понятия дискурса; сопоставление существующих классификаций дискурсов; определение понятия развлекательного теледискурса. Проанализированы существующие подходы к дефинированию понятия дискурса и его типологии. Определено место развлекательного теледискурса в указанной типологии.

Ключевые слова: дискурс, классификация, институциональный дискурс, развлекательный дискурс, теледискурс.

The article deals with a special type of contemporary discourse – entertaining discourse, presented on TV. The purpose of the article is to clarify the entertaining TVdiscourse place in the existing discourse matrix. To achieve this aim such tasks are solved as to analyze the existing definitions of the discourse notion; to compare existing discourse classifications; to define the notion of entertaining discourse. The existing

approaches to the discourse notion definition and its typology. The place of entertaining discourse in the given typology is defined.

Key words: *discourse, classification, institutional discourse, entertaining discourse, TV discourse.*

В данной статье **в общем виде рассматривается проблема** классификации существующих дискурсов. Эта проблема находится в русле важнейших исследований, поскольку увеличение в телеэфире доли разнообразных зрелищных форматов, тенденция к поиску разнообразия развлекательных программ, усиление присутствия медийных персон на экране, «облегченность» информационного вещания, повышенная интерактивность развлекательного сегмента вещания, проникновение игровых форм в прежде недостижимых для подобных постановочных приемов жанрах и форматах требуют детального изучения лингвистической компоненты теледискурса.

«Радио и телевидение входят в дом человека и тем самым несут в себе известную интимность», – отмечал А. А. Леонтьев [5, с. 51]. Это утверждение, зафиксировавшее тенденции развития телеречи в 70-х гг. XX в., сегодня приобретает особую актуальность, хотя на современном телевидении многое изменилось в отношениях между ведущими и слушателями. В настоящее время диалогичность, будучи основным свойством любой коммуникации, принимает характер интерактивности – главного принципа взаимодействия автора и адресата как в современных СМИ, так и в Интернете. Однако в связи с развитием дискурсивного анализа акцент в исследовании медиакоммуникации смещается от изучения телеречи к изучению теледискурса.

Теоретической опорой исследования являются работы Э. Бенвениста, М. Фуко, У. Мааса, Т.А. ван Дейка, А. Н. Кудлаевой, М. Л. Макарова, В. Е. Чернявской и других лингвистов по общей теории дискурса, исследования Л. П. Крысина, В. И. Карасика, М. М. Бахтина, К. А. Долинина, О. Я. Гойхмана и Т. И. Надеиной, В. З. Санникова, посвященные проблемам теории

коммуникации и дискурсивных категорий, материалы Е. Н. Галичкиной, Д. В. Галкина, Л. Ю. Иванова, С. Н. Михайлова и других исследователей по теории виртуального дискурса; работы отечественных и зарубежных исследователей, определивших принципиальные подходы к рассмотрению и изучению медиадискурса – труды Э. Г. Багирова, М. А. Бережной, Ю. А. Богомолова, Р. А. Борецкого, П. Бурдые, В. М. Вильчека, Р. Д. Копыловой, Г. В. Кузнецова, Н. Лумана, М. Маклюэна, В. О. Михалковича, С. А. Муратова, О. Ф. Нечай, В. С. Саппака, А. Л. Сокольской, В. С. Хелемендика, В. А. Шкуратова, А. Я. Юровского и ряда других исследователей.

Функционирование телевидения в контексте политических и социальных реалий современного российского государства рассматривается в трудах таких исследователей как И. М. Дзялошинский, В. В. Егоров, И. И. Засурский, А. Г. Качкаева, В. Д. Попов, С. С. Смирнов, В. Л. Цвик и ряда других. Они анализировали концентрацию СМИ, создание крупных медиаструктур, призванных комплексно решать как проблему экономической состоятельности телебизнеса, так и реализовывать единую информационную политику в существующих условиях правового регулирования профессиональной деятельности.

Несмотря на внушительный перечень релевантных для нашего исследования работ **нерешенной остается проблема** типологического описания развлекательного теледискурса и определения его места в системе других дискурсов.

Целью данной статьи является выявление места развлекательного теледискурса в матрице существующих дискурсов. Для достижения данной цели нужно решить такие **задачи**, как анализ существующих определений понятия дискурса; сопоставление существующих классификаций дискурсов; определение понятия развлекательного теледискурса.

Дискурс – категория лингвистики текста, тесно связанная с понятиями речь и текст. Понятие первоначально получило

название и развитие в трудах Э. Бенвениста, З. Харриса и М. Фуко. Э. Бенвенист понимал под дискурсом речь, присваиваемую говорящим, противопоставляя ее объективному повествованию. Выделяя в высказывании «самый акт, ситуации, в которых он реализуется, средства его осуществления» [1, с. 313], он подчеркивал, что «говорящий присваивает формальный аппарат языка и выражает свой статус говорящего посредством специальных показателей, с одной стороны, и с помощью различных вспомогательных приемов, с другой. В целом же акт высказывания характеризуется подчеркиванием устанавливаемого в речи отношения к партнеру, будь он реальным или воображаемым, индивидуальным или коллективным» [1, с. 313, 316].

По мнению американского лингвиста З. Харриса, дискурс – это простое сцепление фраз, непрерывное высказывание. Исходя из этого определения, он считал, что те подходы, которые применяет дескриптивная лингвистика при рассмотрении предложения, можно использовать и применительно к дискурсу. З. Харрис впервые использовал термин *discourse analysis* в 1952 году в одноименной статье, подразумевая под ним «метод анализа связанной речи», предназначенный «для расширения дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени и для соотнесения культуры и языка» [цит. по 6, с. 91].

Дискурс в трактовке М. Фуко представляет собой «множество высказываний, принадлежащих одной формации» [цит. по 8]. При этом под высказыванием понималось не собственно вербальное высказывание, а некий сегмент человеческого знания. Интерес и цель дискурсивного анализа, по М. Фуко, заключались в том, чтобы определить историческое место каждого дискурсивного события. Экстралингвистические факторы, таким образом, выдвигались на первый план и являлись определяющими по отношению к лингвистическим.

Концепция М. Фуко легла в основу развития немецкой школы дискурсивного анализа (У. Маас, З. Егер, Ю. Линк, Р. Водак), где приоритетной стала уже собственно языковая сторона этого процесса. У. Маас определяет дискурс как соответствующую языковую формацию по отношению к социально и исторически определенной общественной практике. Границы дискурса устанавливаются, таким образом, относительно некоторого периода времени, сферы человеческой практики, области знаний, типологии текста и некоторых других параметров. Сам дискурс как совокупность тематически общих текстов характеризуется не их количественным составом, а качественным, воспринимаясь как языковое отражение определенной социокультурной, политической и идеологической практики.

В современной теории дискурса выделяют более широкий и более узкий подходы к пониманию этого явления. Так, Т. А. ван Дейк дает следующие определения дискурсу: в широком смысле дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Типичные примеры – дружеская беседа, диалог между врачом и пациентом, чтение газеты. В узком смысле выделяют только вербальную составляющую коммуникативное действие и говорят о ней далее как о тексте или разговоре. В этом смысле термин «дискурс» обозначает завершённый или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами [10].

В конце 70-х – начале 80-х годов в лингвистике развивается тенденция к размежеванию понятий дискурс и текст при сохранении тесной связи между ними. В. А. Звегинцев, Ю.С. Степанов рассматривают текст как фрагмент дискурса, как его базовую единицу.

Н. Д. Арутюнова, П. Серйо определяют дискурс как целый текст или совокупность объединенных каким-либо признаком текстов. Е. С. Кубрякова и О. В. Александрова определяют дискурс как «именно когнитивный процесс, связанный с реальным речеобразованием, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму. Текст может трактоваться как дискурс только тогда, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его человека» [3, с. 19].

А. Н. Кудлаева понимает дискурс как «не само речевое поведение, а результат речевого поведения, представляющий собой речь в классическом понимании Л.В. Щербы и обусловленный, как и вся речевая деятельность, совокупностью социокультурных и ситуативных факторов, влияющих на коммуникацию» [4, с. 50].

Дискурсивный анализ заключается в рассмотрении содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста с учетом психологических, социальных, политических, национально-культурных, прагматических и других факторов. Таким образом, «проникновение в глубинную структуру текста ... осуществляется через обращение к специфическому социально-историческому контексту» [4, с. 129].

Разные подходы к определению сущности дискурса (собственно лингвистический, структурный, социолингвистический, прагматический и др.) позволяют выделить типы дискурса и категории, характеризующие его свойства.

По мнению А. Н. Кудлаевой, в структуре дискурса выделяются иерархически связанные элементы. Общий дискурс – это «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы» [9], то есть «все коммуникативное пространство» [4, с. 50]. «Общий

дискурс может быть подразделен по тематически-ситуационному принципу на более частные дискурсы. В свою очередь частный дискурс состоит из дискурсов, которые можно рассматривать как нечто говоримое на одну общую заданную тему в конкретный непрерывный промежуток времени. В этом более узком смысле дискурс – завершенное речевое произведение, которое называется конкретным дискурсом. В конкретном дискурсе как результате речевой деятельности можно выделить его составляющие – тексты» [4, с. 51].

Изменение общей темы-ситуации в конкретном дискурсе происходит только при наличии совокупности экстралингвистических и лингвистических факторов, в то время как признаком завершения частного дискурса являются те коммуникативные условия, которые ограничивают продолжение данной ситуации во времени и в пространстве.

В.И. Карасик разграничивает личностно-ориентированный и статусно-ориентированный дискурсы. «В первом случае в общении участвуют коммуниканты, хорошо знающие друг друга, раскрывающие друг другу свой внутренний мир» [2, с. 232]. Личностный (персональный) дискурс представлен двумя типами – бытовой (обиходный) и бытийный дискурс. Специфика бытового дискурса состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная квалификация происходящего. Бытийный дискурс предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов и основан на художественном и философском постижении мира. «Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется

потребностями общества на конкретном этапе его развития» [2, с. 232].

Важными характеристиками дискурса являются сфера общения (бытовая или профессиональная), сочетание временных и пространственных рамок, коммуникативная среда (в нашем исследовании русскоязычная).

Тематическое единство является одним из определяющих элементов структуры дискурса, обеспечивающих его стабильность. Анализируя, например, развлекательный дискурс, мы можем выделить в нем архитектуру «юмор».

Понятие теледискурса может быть определено лишь с учетом экстралингвистических факторов телекоммуникации. Среди этих факторов наиболее значимыми, т.е. дискурсообразующими, ученые считают следующие: дистантность, наличие визуализации, массовость зрительской аудитории, всеохватность (всепроникающая способность), скорость передачи информации, а также особенности эфирного времени, в частности необратимость, одномоментность, линейность и непрерывность. Все это предопределяет языковую неоднородность теледискурса [7, с. 37].

Таким образом, исследование существующих определений и классификаций дискурса позволяет нам сделать **вывод** о том, что развлекательный теледискурс – это совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной телевизионной программе с целью создания эффекта развлечения. Это статусно-ориентированный дискурс, представляющий собой институциональное общение. Сферой общения его можно считать бытовую, опосредованную с помощью определенных технических средств, актуален он в незначительный промежутки широкой коммуникативной среде телезрителей.

Перспективу дальнейшего исследования мы видим в анализе типичных лингвистических средств воплощения развлекательного теледискурса.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов: под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с
4. Кудлаева А. Н. Типы текстов в структуре дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Н. Кудлаева. – Пермь, 2006. – 329 с.
5. Леонтьев А. А. Психолингвистическая проблематика массовой коммуникации /А. А. Леонтьев // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М. : Наука, 1974. – С. 43–52.
6. Макаров М. Л. Интерпретативный характер дискурса в малой группе/ М.Л: Макаров. – Тверь, 1998: – 200 с.
7. Нестерова Н. Г. Коммуникативно-прагматическая специфика спонтанного радиодискурса / Н. Г. Нестерова // Вестник Томского гос. ун-та. Серия Филология. – 2009. – С. 37–41.
8. Чернявская В. Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no3-2011/cernavskaa-v-e>.
9. Щерба Л. В. Литературный язык и пути его развития / Л.В., Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1957. – 320 с.
10. Van Dijk T. Critical Discourse Analysis [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <http://www.discourses.org/>

УДК 378.13.37

Перехейда В. В.

**кандидат наук із соціальних комунікацій
Київський національний університет імені Тараса
Шевченка, Україна
ФОРМУВАННЯ У СТУДЕНТІВ МОВНОЇ
КУЛЬТУРИ**

Перехейда В. В.

**кандидат наук по социальным коммуникациям
Киевский национальный университет имени Тараса
Шевченко, Украина
ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ языковой
КУЛЬТУРЫ**

Pereheyda V.V.

**PhD in Social Communications
Taras Shevchenko Kyiv National University, Ukraine
FORMIND STUDENTS' LANGUAGE CULTUR**

Стаття присвячена проблемі формування у студентів мовної культури. Обґрунтовано основні умови підвищення рівня мовної культури майбутніх фахівців. З точки зору автора мовна культура вважається необхідною умовою успішної соціалізації і професійної освіти майбутніх фахівців.

***Ключові слова:** мовна культура, формування мовної культури особистості, студент, ділова українська мова.*

Статья посвящена проблеме формирования у студентов культуры речи. Обоснованы основные условия повышения уровня культуры речи будущих специалистов. С точки зрения автора культура речи считается необходимым условием успешной социализации и профессионального образования будущих специалистов.

***Ключевые слова:** культура речи, формирование культуры речи личности, студент, деловой украинский язык.*

The article deals with the development of the student of linguistic culture. The basic precondition for improving the linguistic culture of future specialists. From the perspective of the author language culture is

a necessary condition for successful socialization and professional training of future specialists.

Keywords: *linguistic culture, language culture of individual, student, business Ukrainian.*

Постановка проблеми. Важливість проблеми дослідження зумовлена необхідністю забезпечення ефективного впливу мовної культури на розвиток особистості, вибору оптимальних шляхів організації системи мовної освіти у вищому навчальному закладі.

Діяльність сучасного фахівця пов'язана з інтенсивним усним та писемним спілкуванням, передбачає широку мовленнєву практику, вимагає точного мовного вираження понять і категорій. Про необхідність дослідження питань мовної культури студентів вищого навчального закладу свідчить і невисокий рівень володіння нею випускниками загальноосвітніх закладів. Недостатність необхідних комунікативних мовленнєвих умінь звужує можливості успішної реалізації майбутніми фахівцями власних життєвих планів і намірів, спричиняє виникнення численних конфліктів, взаємного непорозуміння, неприязні, відчуження.

Питання навчання мови у вищих навчальних закладах потребує належної уваги, тому нагальною є потреба подальшої розробки теоретичних і практичних засад навчання мови з метою забезпечення якнайповнішого розкриття особистісного потенціалу студентів, формування їх інтелекту, розвитку повноцінних мовленнєвих здібностей у процесі розвитку і професійного становлення.

Аналіз джерельної бази з проблеми дослідження показав, що різні аспекти взаємозв'язку людини та її мови досліджувалися представниками різних наукових галузей знань упродовж тривалого часу. Вже в епоху античності надавалося велике значення вмінню людини висловлювати свої думки, давати їм належне оформлення. Питанням навчання молодих людей володіти словом велику увагу надавали такі відомі філософи, як Протагор та Сократ. В

середні віки мистецтву володіти словом вчили шляхом формалізованої мисленнєвої роботи.

У ХХ ст. широкий інтерес до проблем розвитку особистості, увага до загальнолюдських цінностей активізували гуманітарні дослідження з проблем людини, зокрема і ті з них, що були пов'язані з мовою. У філософській та психологічній науках проблема людини та її мови в цей час представлена досить широко (М. Бубер, М. Каган, К. Ясперс, Б. Ананьєв, Л. Виготський, О. Леонтьєв, С. Рубінштейн, А. Петровський. Вони визначили особливості взаємодії людей мовними засобами, значення високого володіння мовою для особистісного розвитку та самореалізації у суспільстві. Проте про шляхи забезпечення високого рівня володіння мовою у їхніх роботах не йшлося. Ці питання були предметом уваги лінгвістів і лінгводидактів (О. Потебні, І. Срезневського, І. Огієнка).

Думку про важливість використання мови як універсального засобу національного виховання можна простежити у працях К. Ушинського, який вважав, що саме в „рідному слові втілюється творчою силою народного духу в думку, в картину і звук вітчизни, її повітря, її фізичні явища, її клімат, її поля, гори й долини, її ліси й ріки – весь той глибокий, сповнений думки й почуття, голос рідної природи, який гучно лунає в любові людини до її інколи суворій батьківщини, який виразно відбивається в рідній пісні, в рідних мелодіях” [6, с. 23].

Саме рівень володіння словом, а отже, і мовного виховання, мовної освіти упродовж століть визначав соціальний статус. Від рівня насамперед мовної культури, мовної освіченості, філологічної підготовки у середній чи вищій школі залежав (і залежить) професійний рівень, а отже, рівень розвитку держави в політичній, економічній, соціальній сферах. Підтвердження знаходимо у статутах братських шкіл, де підкреслювалось, що наставник повинен

вміти „володіти словом”, бути „підмогою благочестя, що становить образ добра у всьому” [1].

До ХХ ст. були лише спроби дослідження мови у взаємозв'язках із суб'єктом її використання. На середину ХХ ст. у зв'язку з прагненням досліджувати мову в дії, необхідністю визначення особливостей оптимальної мовленнєвої поведінки посилюється увага і до питань забезпечення високого рівня володіння мовою, до культури мови особистості.

Мета даної статті полягає у висвітленні питань формування у студентів мовної культури майбутнього фахівця у навчально-виховному процесі вищого навчального закладу.

Виклад основного матеріалу. Узагальнення досліджень проблеми людини та її мови представниками різних галузей знань стало основою для визначення основних шляхів формування мовної культури особистості.

Мовну культуру ми розглядаємо як якість особистості. Визначення місця цього утворення у структурі особистості здійснюємо через з'ясування особливостей мовної діяльності та дослідження умов її успішного здійснення. При цьому враховуємо, що вперше трактування мовлення як діяльності було запропоноване Л. Виготським. У 60-70-х роках О. Леонт'єв [3], Ломов [4], І. Зимня [2] виділили складові мовленнєвого акту. На основі цих положень ми визначили вміння, необхідні для успішного здійснення мовленнєвої діяльності. Це вміння: грамотно та чітко формулювати думку, досягати бажаної комунікативної мети, здійснювати основні мовленнєві функції (підтверджувати, спростовувати, схвалювати, пропонувати, погоджуватись і т. ін.), говорити виразно, висловлюватися логічно, зв'язно, продуктивно, змістовно та цілісно, тобто досягати смислової та емоційної цілісності. При цьому на основі використання положень Б. Ананьєва, Б. Ломова про наявність здібностей як необхідної умови забезпечення ефективності будь-якої діяльності, зокрема мовленнєвої, а

також досліджень Б. Ананьєва, В. Давидова, О. Запорожця, О. Леонтєва, С. Рубінштейна, Б. М. Теплова щодо мовленнєвої діяльності як відображення мовної свідомості було визначено залежність комунікативних мовленнєвих умінь від мовленнєвих здібностей та мовної свідомості особистості.

Основними критеріями та показниками рівня сформованості мовної культури та її компонентів визначено: залежність сформованості мовної свідомості від ставлення мовців до мови, розуміння ними значення мови в суспільному житті, необхідності підвищення рівня володіння мовою для свого професійного становлення; розвиненості мовленнєвих здібностей — ступінь засвоєння мовних норм; наявність комунікативних мовленнєвих умінь — уміння створювати тексти певного комунікативного призначення. З огляду на використання визначених критерії мовну культуру було визначено як особистісну якість, яка залежить від мовної свідомості, визначається мовленнєвими здібностями, виявляється через комунікативні мовленнєві вміння. Для формування мовної культури особистості було передбачено використання сукупності прийомів і способів спеціально організованого впливу на індивіда з метою створення у нього системи переконань, ціннісних орієнтацій щодо значення мови в суспільному та особистісному житті, розвитку мовленнєвих здібностей, вироблення соціально і професійно значущих мовленнєвих комунікативних умінь.

Нами було проведено педагогічний аналіз стану сформованості мовної культури особистості і визначено доцільність вибору трьох рівнів її сформованості, проведено діагностику сформованості мовної культури майбутніх фахівців.

Результати аналізу стану сформованості мовної культури виявили наявність у майбутніх фахівців труднощів у використанні мовних засобів для налагодження ефективної міжособистісної взаємодії. Було з'ясовано, що значна частина студентів (24,7 %) неповною мірою усвідомлює

значення мови в особистісному та професійному становленні, 42,3 % студентів мають низький рівень розвитку мовленнєвих здібностей та 59,6% — низький рівень сформованості мовленнєвих комунікативних умінь, тобто переважна частина майбутніх фахівців потребує суттєвого підвищення рівня мовної культури.

Отак аналіз педагогічної, лінгвістично-методичної, психологічної літератури, уточнення змісту та структури мовної культури, результати педагогічної діагностики сформованості мовної культури майбутніх педагогів засвідчили необхідність визначення ефективних шляхів здійснення педагогічного впливу з метою формування у них зазначеної якості. Було з'ясовано, що в загальній структурі навчально-виховного процесу у вищому технічному навчальному закладі найбільш сприятливі умови для формування мовної культури майбутніх фахівців мають навчальні дисципліни „Українська мова (за професійним спрямуванням)” та „Ділова українська мова”. При цьому, на думку автора, даним предметам необхідно надати інтегрованого характеру через поєднання культури мовлення, риторики та теорії тексту. Це передбачає використання комунікативного підходу до подачі та вивчення мовних явищ на основі врахування їх значення при спілкуванні, для передачі тієї чи іншої інформації, навчання комунікативно доцільному вживанню мовних засобів відповідно до конкретної ситуації спілкування.

Визначено, що в роботі щодо формування мовної свідомості особистості важливе значення має забезпечення мотиваційної готовності майбутніх педагогів до володіння мовою через постійне розширення їх знань про мову та її значення в суспільному житті й особистісному професійному становленні. Це передбачає подачу мовного матеріалу у відповідності з інтересами майбутніх фахівців, потребами їх майбутньої професійної діяльності.

Автором з'ясовано, що для розвитку мовленнєвих здібностей майбутніх фахівців важливе значення має робота

над засвоєнням мовної норми. Її необхідно проводити, з урахуванням досліджень Л. Булаховського, А. Коваль, В. Русанівського щодо основних умов дотримання мовної норми та випадків порушення у мовленнєвій практиці.

Аналіз вживання мовних одиниць необхідно здійснювати через використання різних видів робіт на редагування висловлювань. Це дає можливість забезпечити усвідомлене дотримання студентами стилістичної норми та правильне вживання слова у відповідному значенні. Вважаємо, що у цій роботі необхідно також враховувати розробки наукової школи Д. Узнадзе щодо виявлення закономірностей через дослідження різних відхилень. У цьому випадку знання ряду обмежень має допомогти майбутнім педагогам завчасно, ще на етапі початкового конструювання речень відмовитися від безперспективних у стилістичному відношенні варіантів. Тому основну увагу, про що, зокрема, свідчать і результати діагностування, необхідно звертати на роботу по усуненню логічних помилок та таких, що пов'язані з неадекватним розумінням словоформи. Для вирішення цих завдань ефективним є, на нашу думку, використання методів і прийомів психологічної стилістики: створення осмислених продовжень, реєстрація наголосу у двонаголошеному компоненті, підведення до ситуації вибору.

Для удосконалення комунікативних мовленнєвих умінь студентів важливо ознайомити їх з основними положеннями теорії тексту, сутнісними характеристиками тексту та особливостями його структури з урахуванням основних положень теорії тексту, представлених у дослідженнях І. Гальперіна, В. Мельничайка, Т. Ладиженської. Активно сприяє формуванню комунікативних мовленнєвих умінь цілеспрямоване введення діалогу в процес навчання мови. Вважаємо, що головною умовою діалогічного спілкування є початковий розрив у знаннях та потреба у спілкуванні. Тому на основі врахування специфіки спілкування важливим є створення на заняттях ситуації живого спілкування через

наближення реальної та навчальної діяльності на основі значущого за змістом матеріалу та використання завдань ситуативного характеру. Цю роботу важливо проводити з використанням системи ситуативних вправ, які повинні містити задані умови спілкування та опис мовленнєвої ситуації. В кінцевому результаті виконання студентами проблемно-ситуативних вправ саме і має допомогти їм у створенні висловлювань того чи іншого комунікативного призначення [5]. Найбільш прийнятною формою організації навчальних занять є практичні. Саме вони дають можливість ефективно використовувати необхідний для формування мовної культури комплекс дидактичних матеріалів та здійснювати належний контроль щодо засвоєння студентами відповідних знань та вмінь.

Отже, визначені педагогічні умови, обрані засоби та шляхи їх забезпечення складають педагогічну систему, використання якої уможливорює здійснення цілеспрямованого впливу на особистість з метою формування якості „мовна культура”.

Під час формувального експерименту було використано форми, методи і прийоми навчальної діяльності згідно з визначеними напрямками роботи: забезпечення високого рівня усвідомлення студентами значення мови в особистісному та професійному становленні, глибокого засвоєння мовних понять; розвитку мовленнєвих здібностей; удосконалення комунікативних мовленнєвих умінь.

Майбутні фахівці експериментальних груп працювали за спеціально розробленою програмою, де основна увага надавалась темам, що необхідні в їхній майбутній професійній діяльності. Важливе значення при цьому мала робота над розвитком їхнього усного та писемного мовлення через активне включення до всіх видів мовленнєвої діяльності. Це завдання вирішувалось через систему спеціально підібраних вправ, матеріалів для самостійних творчих та контрольних робіт. Перевірка формувального впливу проводилась на основі аналізу незалежних

характеристик, анкетування, оцінки усних відповідей, письмових контрольних робіт, аналізу виконання студентами індивідуальних завдань, творчих робіт. Система контрольних перевірок включала в основному роботи на редагування. Кількісний аналіз одержаних результатів передбачав підрахунок кількості правильних, правильних неповних та неправильних відповідей.

Загальний рівень сформованості мовної культури було визначено за середніми результатами сформованості кожного з її компонентів: мовної свідомості, мовленнєвих здібностей, комунікативних мовленнєвих умінь. Було виявлено, що за період проведення дослідно-експериментальної роботи в експериментальних групах значно збільшилась кількість студентів з високим і середнім рівнем сформованості мовної культури у порівнянні з контрольними групами.

Використання визначених показників рівня сформованості мовної культури особистості дозволило виявити динаміку сформованості мовної свідомості, мовленнєвих здібностей, комунікативних мовленнєвих умінь. Порівняльний аналіз динаміки рівнів сформованості мовної культури у студентів експериментальних та контрольних груп дозволив зробити висновок про ефективність експериментальної системи з формування мовної культури особистості у вищому навчальному закладі.

Аналіз даних показав, що за період проведення дослідно-експериментальної роботи кількість студентів в експериментальних групах з високим і середнім рівнем розвитку мовної культури у порівнянні з контрольними збільшилась на 15,4% і 17,8%. При цьому в експериментальних групах число студентів з низьким рівнем сформованості мовної культури зменшилось у порівнянні з контрольними на 28,9 %.

Отак, експериментальне дослідження засвідчило ефективність розробленої автором системи з формування мовної культури майбутніх фахівців при вивченні навчальних

дисциплін „Українська мова (за професійним спрямуванням)” та „Ділова українська мова”. Програма педагогічно обгрунтованих заходів, що була розроблена на основі передового досвіду та поставленого експерименту, сприяла підвищенню ефективності готовності майбутніх фахівців до самостійної комунікативної діяльності у професійній сфері.

Висновки. 1. Аналіз різноманітних підходів щодо шляхів забезпечення належного рівня володіння мовою свідчить, що вивчення проблеми формування мовної культури майбутніх фахівців у рамках педагогічних, лінгвістичних і психологічних досліджень потребує цілісного осмислення та узагальнення з метою визначення дієвих шляхів організації мовної освіти в системі вищої школи.

2. Врахування операційного наповнення поняття мовної культури та психічних утворень, що забезпечують мовленнєву діяльність, дає можливість уточнити сутність поняття мовної культури особистості. Мовна культура є особистісною якістю, яка визначається мовною свідомістю, залежить від розвиненості мовленнєвих здібностей та проявляється у мовленнєвих комунікативних уміннях.

3. Основними показниками для визначення рівня сформованості мовної культури є ступінь усвідомлення майбутніми педагогами значення мови в суспільному житті, необхідності мовних знань в особистісному та професійному становленні; відчуття нормативної відповідності використаних мовних засобів; уміння створювати тексти різного комунікативного призначення.

4. Формування у студентів мовної культури є ефективним при дотриманні таких педагогічних умов: надання майбутнім фахівцям можливостей щодо розширення їх уявлень про значення мови, знань про види спілкування; забезпечення розвитку мовленнєвих

здібностей через постійну роботу над засвоєнням мовних норм; вироблення та удосконалення соціально і професійно значущих мовленнєвих умінь шляхом систематичної включеності в різні види мовленнєвої діяльності.

Література:

1. Етика та психологія ділового спілкування : зб. текстів, ситуаційних задач, питань по заміру знань / Укл. Т. І. Скирда, Н. П. Статінова. — К., 1994. — 56 с.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1987. — 476 с.
3. Леонтьев А.А. Педагогическое общение / А. А. Леонтьев. — М. : Знание, 1979. — 47 с.
4. Ломов Б. Ф. Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы общей психологии / Б. Ф. Ломов. — М. : Наука, 1984. — 79 с.
5. Семенов О. М. Культура наукової української мови : навчальний посібник / О. М. Семенов. — К. : Академія, 2010. — 386 с.
6. Ушинский К. Д. Родное слово // Педагогические сочинения : В 6 т. / Сост. С. Ф. Егоров. — М. : Педагогика, 1989. — Т. 4. — 528 с.

УДК 80/81

**Аспірант Поляковська Ю. В.
Дніпропетровський національний університет імені
Олеся Гончара, Україна
ОСОБЛИВОСТІ ІДИОДИСКУРСУ
Ф. М. ДОСТОЄВСЬКОГО**

**Аспирант Поляковская Ю. В.
Днепропетровский национальный университет имени
Олеся Гончара, Украина**

ОСОБЕННОСТИ ИДИОДИСКУРСА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

**Postgraduate student Poliakovska J.V.
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine
SOME PECULARITIES OF DOSTOEVSKY`S
IDIODISCOURSE**

У статті аналізуються особливості мовної поведінки Ф. М. Достоевського з позиції когнітивної лінгвістики. Автор вважає, що термін ідиодискурс можна використовувати для позначення комунікативно-художнього простору письменника й читача. Ідиодискурс характеризують певні мовні засоби та способи, відмінні для кожного письменника. Ідиодискурсу Ф. М. Достоевського властиве використання біблійного інтертексту, алюзій, символів, цитат, номінацій із імпліцитним значенням. Автор доводить наявність прихованого, імпліцитного, шару в творах письменника та визначає імпліцитний спосіб побудови структури ідиодискурсу Ф. М. Достоевського.

Ключові слова: ідиодискурс, інтертекст, імпліцитність, алюзія, цитата, символ, номінація, антропонім.

В статье анализируются особенности речевого поведения Ф. М. Достоевского с позиции когнитивной лингвистики. Автор считает, что термин идиодискурс можно использовать для обозначения коммуникативно-художественного пространства писателя и читателя. Идиодискурс характеризуют определенные языковые способы и средства, отличительные для каждого писателя. Идиодискурсу Ф. М. Достоевского присущи использование библийного интертекста, аллюзий, символов, цитат, номинаций с имплицитным значением. Автор статьи доказывает наличие скрытого, имплицитного, пласта в произведениях писателя, определяет имплицитный способ построения структуры идиодискурса Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: идиодискурс, интертекст, имплицитность, аллюзия, цитата, символ, номинация, антропоним.

The peculiarities of Dostoevsky`s language behavior are analyzed in the article, when used cognitive linguistics. The author believes that idiodiscourse can be used for defining communication-artistic space of a writer and a reader. Some linguistics means, which are different for every

writer, are able to characterize idiodiscourse. The distinctive features of Dostoevsky's idiodiscourse are Bible intertext, allusions, symbols, quotations, nomination with implicit meaning. The author of this article proved the presence of hidden, implicit layer in the writer's novels and defined the implicit formation way of Dostoevsky's idiodiscourse.

Key words: *idiodiscourse, intertext, implicit, allusion, quotation, symbol, nomination, antroponim.*

Актуальность исследования. Поворот традиционной лингвистики XXI ст. к когнитивной лингвистике значительно изменил принципы работы с текстом. Раньше, при работе с художественными произведениями ученые не учитывали языковую личность автора и его экстралингвистические знания. Сейчас исследователи начали интересоваться концептуально значимыми элементами текста, картиной мира писателя и его установкой на адресата, скрытыми механизмами порождения информации. Все это привело к осознанию того, что прежние текстологические исследования нуждаются в доработке. Учет когнитивной направленности позволяет не только выявить новые языковые особенности, но и проясняет некоторые моменты необходимые для полного понимания замысла автора. Особенно это касается тех произведений, где план содержания шире плана выражения.

Объектом анализа нашей статьи является идиодискурс в лингвистическом аспекте.

Предмет исследования – идиодискурс Ф. М. Достоевского и его особенности.

Цель статьи проанализировать идиодискурс Ф. М. Достоевского на примере романа «Братья Карамазовы», выявить концептуально значимые, смыслообразующие элементы идиодискурса и его стилистическую специфику. Творчество Ф. М. Достоевского неоднократно становилось объектом самых разнообразных исследований, среди которых доминируют литературоведческие. Непосредственно филологических работ не столь много, кроме того анализ идиодискурса

писателя отсутствует. Мы сделаем попытку проанализировать способ изложения произведения писателем и его отличительные языковые характеристики.

Изложение основного материала. Для работы с текстом в русле современных лингвистических требований ученые начинают использовать термин «дискурс», который позволяет учесть экстралингвистические знания читателя и писателя. Среди разнообразия типов дискурса, В. С. Григорьева [5] выделяет особое употребление дискурса для обозначения текущей речевой деятельности в какой-либо сфере и понимает такой дискурс как способ говорения, то есть *какой* или *чей* дискурс. В данном случае, исследуются конкретные особенности дискурса, языковые отличительные черты, стилистическая специфика. Нам представляется интересным исследование этого понимания дискурса, так как большинство ученых занимаются больше разработкой различных типов речевых дискурсов (аргументативный, социально-ритуальный, политический).

В. А. Самохина [11; с.148-154] предлагает использовать термин идиодискурс для обозначения коммуникативно-художественного пространства автора и читателя, которое в совокупности и взаимодействии всех своих аспектов, образует целостную коммуникативную среду, в которую погружаются говорящие в процессе коммуникативной деятельности. Термин «идиодискурс» является новым витком в исследованиях дискурса. Пока еще немного работ встречается по этому вопросу, и существует необходимость в уточнении данного понятия и наработки методологии.

Среди украинских ученых И. В. Шевченко [14; с.24] продолжает заниматься проблемами идиодискурса, рассматривая концепты в идиодискурсе Э. Хемингуэя. Исследовательница полностью поддерживает мысли В. А. Самохиной [11] и считает, что автор, создавая модель текста, отклоняется от нейтральной структуры и использует особые языковые средства, приемы, по которым можно легко узнать, кому принадлежит данное произведение. То есть, под

идиодискурсом понимают конкретные проявления личности писателя, где дискурс – систематизированное и упорядоченное использование языка, за которым социально, идеологически и исторически стоит ментальность. Говоря об идиодискурсе Ф. М. Достоевского, мы подразумеваем не только способ изложения, языковые и стилистические особенности автора, но и принимаем во внимание идеологию, ментальность писателя.

Структурные и композиционно-сюжетные особенности дискурса Ф. М. Достоевского очень специфические. Для стиля Ф. М. Достоевского характерно использование различного интертекста. К примеру, Н. М. Чирков находит в дискурсе писателя и элементы философского романа, и средневековые мистерии, и древние апокрифы, и вкрапления из книги Иова [13; с.235]. М.М. Бахтин [2] уверен, что романы Ф.М. Достоевского очень близки к старинному «сократовскому диалогу» и, moreover, с использованием карнавальных элементов, исповедей.

Абсолютно новый подход к пониманию дискурса Ф. М. Достоевского предложила В. В. Сиганова [12; с.217]. Ученая использует лингвориторическую концепцию А. А. Ворожбитовой для анализа идиодискурса Ф. М. Достоевского. Исследовательница установила, что большинство ученых трактуют художественное и философское мировоззрение Ф. М. Достоевского как духоведение. На примере романа «Братья Карамазовы» В. В. Сиганова [12] демонстрирует особенности построения дискурса писателя и характеризует речемыслительные процессы языковой личности писателя. Обычное уголовное происшествие, детективное расследование и любовное соперничество на этом фоне тесно переплетаются с духовно-мировоззренческими и социально-психологическими связями общества того времени и соотносятся с вечными законами бытия. В результате анализа, было выделено идеологическое ядро романа – библейские репрезентации, а их взаимодействие в структуре произведения представляют

имплицитный «текст в тексте», то есть глубинный слой романа.

В. И. Габдуллина [4] тоже считает, что Библейский интертекст присутствует в идиодискурсе Достоевского, а автор использует притчевую стратегию для создания произведений. Исследовательница [4] определяет функционирование различных Библейских словообразований и мотивов (кодов), среди которых доминирует сюжетная аллюзия, психологическая параллель, мифологема, мотивема и мотив. В. И. Габдуллина приходит к заключению, что авторская позиция Достоевского становится доступной только при упорной и тяжелой работе в разгадывании скрытых смыслов, имплицитных средств, с помощью которых активизируется то, что хотел донести и передать писатель, так как его замысел обычно облачен в иносказательную, имплицитную форму.

Известно, что некоторые ключевые элементы способны нести в себе скрытые смыслы, то есть имплицитное значение, так как автор, создавая текст, может с помощью использования данного элемента вызвать определенную ассоциацию с чем-то уже известным у читателя.

Немаловажным в идиодискурсе Ф. М. Достоевского является имянаречие персонажей. После проведенных исследований И. А. Маринина [10] пришла к выводу, что номинации являются имплицитным способом выражения авторской позиции Ф. М. Достоевского. Исследовательница определила прием «пульс номинации», суть которого заключается в том, что номинация некоторых персонажей реагирует на авторское отношение в момент фабульного действия и трансформируется (к примеру, с Дмитрия Федоровича на Митьку).

Исследованиями имянаречий в творчестве Ф. М. Достоевского занималась также и украинская ученая В. О. Вуколова [3]. Она исследовала свойства антропонимов с точки зрения подтекстовой информации, (на основе романа «Братья Карамазовы») и отметила значение собственных

имен и антропонимов, которые функционируют как имплицитные детали, образуя пласт концептуальной и подтекстовой информации. Исследовательница доказала, что антропонимы и символы в романе выполняют функцию сигналов подтекстовой информации, и используются автором для описания героев, создают иллюзию непредназначенности текста, отражают точку зрения автора и выражают его оценку. Имена выполняют аллюзивную функцию, с помощью которой актуализируются известные события, связанные с конкретными людьми. Текст, по мнению В. О. Вуколовой, богатый на разные прецедентные высказывания, которые соотносятся с литературными, фольклорными, религиозными источниками. Такие единицы текста как заглавие, подзаголовки, эпитафия, посвящение, пролог, эпилог являются факультативно сильными позициями и помогают расшифровать «затекстовую» информацию.

Метафоры и аллюзии также часто используются в идиодискурсе Ф. М. Достоевского для обозначения и характеристики героев. Н. А. Азаренко [1] считает, что образ Алеши является аллюзией на Иисуса Христа, образ Софьи Ивановны метафорически связан с Богородицей, Грушенька представляет аллюзию на Марию Египетскую, образ и способ жизни Дмитрия Карамазова похож на житие Ефрема Сирина. Для подтверждения своих убеждений, исследовательница использует цитаты, выдержки из речи, поступки героев, которые заимствованы из Библии.

Л. А. Куплевацкая [8] считает, что Достоевскому присуще использование целой системы символов и символики, которая образует внутренний духовно-философский план романа. Предложенная Л.А. Куплевацкой модель исследования системы символов включает в себя символические мотивы и символические значения хронотопа. Исследовательница доказывает, что хронотопические образы-символы *трактира, сада, камня, стены, переулка*

обладают особыми функционально-семантическими значениями.

В последнее время наблюдается тенденция к освещению творчества Ф. М. Достоевского в контексте Библии. Особый интерес представляют собой труды Н. Перлиной [15], В. Ляху [9], А. Л. Гумеровой [6], которые разрабатывали включения Библейских аллюзий и цитат. Известно, что цитирование и аллюзия являются имплицитными средствами выражения информации, так как подразумевают отсылки к другому источнику.

Н. Перлина [15] приходит к выводам, что цитата из Евангелия самая авторитарная цитата в романах Ф. М. Достоевского, и расположена на высшей иерархической ступени в романе. Цитаты из Ветхого Завета играют такую же роль, и часто сопровождаются комментариями, которые относят их к конкретным ситуациям в романе. Н. Перлина заключает, что именно Библейские цитаты пронизывают и связывают воедино все элементы повествовательной системы в «Братьях Карамазовых».

Т.А. Касаткина одна из первых [7] доказала наличие пушкинской цитаты у Достоевского. Исследовательница предложила также новаторский подход в понимании эпилогов пяти романов писателя как аллюзий на различные иконы.

В ходе исследования А. Л. Гумерова [6] определяет, что дискурсу Ф. М. Достоевского присущи Библейские аллюзии, причем, наибольшее число отсылок и аллюзий на христианские реалии относятся к Распятию Христа, сошествию его в ад и Воскресению. Она отмечает также наличие одинаковых, то есть сквозных цитат, или отсылок на одну и ту же тему. Следует заметить, что все упомянутые выше структуры создают дополнение к внешнему сюжету, что можно не заметить без внимательного чтения. А. Л. Гумерова [6] также доказывает наличие текста Священного Писания в романе «Братья Карамазовы»,

который присутствует и в виде явной цитаты, и в виде скрытой цитаты или ситуативной аллюзии, причем последний способ изложения является более значимым, так как создает фон для всего сюжета романа.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования.

Принимая во внимание все вышеизложенное можно прийти к выводу, что идиодискурс Ф. М. Достоевского богатый на интертекст. Среди разнообразных включений можно выделить большой пласт Библейских цитат и аллюзий, а также цитаты-заимствования других писателей. Именования зачастую несут в себе скрытое имплицитное значение. Заглавия и эпиграф являются концептуально значимыми элементами идиодискурса. Также в идиодискурсе писателя присутствует много символов.

Все вышеуказанные способы использовались писателем для передачи информации, акцентирования на своей идеологии и убеждениях. Ф. М. Достоевский попытался создать особый, специфический тип дискурса с разнообразными стилистическими средствами, где существенную роль играет глубинный слой произведения, а читателю необходимо приложить усилия и использовать внимание для понимания замысла.

Следует заметить, что практически все исследователи указывают на наличие имплицитного пласта в идиодискурсе Ф. М. Достоевского. То есть, можно предположить, что писателю присущая скрытая форма высказывания и использование имплицитных средств при построении идиодискурса. Но при этом, исследования имплицитных средств передачи информации в идиодискурсе Ф. М. Достоевского отсутствуют. Таким образом, намечается перспектива исследования имплицитности в идиодискурсе Ф. М. Достоевского, что приведет не только к углублению знаний о данной лингвистической категории, но и позволит выявить новые языковые особенности речевого поведения Ф. М. Достоевского.

Литература

1. Азаренко Н.А. Метафорическая сакрализация персонажей как основной способ объективации христианских традиций в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского / Н.А. Азаренко. – Сб. научных трудов. Литературоведение и фольклор, 2002. – С.1-8.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М., 1963. – с.
3. Вуколова В.О. Експресиви як сигнали підтекстової інформації (на матеріалі роману Ф.М. Достоевського «Брати Карамазови»): автореферат на здобуття наукового ступеня кандидата наук. / В.О. Вуколова. – К., 2004. – 21 с.
4. Габдуллина В.И. Авторский дискурс Ф.М. Достоевского. Проблемы изучения Уч. пособие/ В.И. Габдуллина. – Алтайская гос. пед. ак. 2008. – 138 с.
5. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Монография / В.С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн ун-та, 2007. – 288 с.
6. Гумерова А. Л. Композиционная роль текста в тексте в произведениях Достоевского: библейские цитаты в романе «Братья Карамазовы»: диссертация на соискание уч. степени кандидата наук. / А.Л. Гумерова. – Москва, 2007. – 129 с.
7. Касаткина Т.А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа реализма в высшем смысле / Т.А. Касаткина. – М., 2004. – 479 с.
8. Куплевацкая Л.А. Символы и символика в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. / Л.А. Куплевацкая. – Харьков, 2000. – 25 с.
9. Ляху В. Люциферов бунт Ивана Карамазова / В. Ляху. – М., 2011. – 284 с.
10. Маринина И.А. Типология и функционирование номинаций персонажей в полифоническом повествовании: На материале романа «Братья Карамазовы»: диссертация на соискание научной степени кандидата наук. / И.А. Маринина. – Самара, 2003. – 227 с.

11. Самохіна В.А. Комічна домінанта регулятивності в ідіодискурсах американських гумористів / В.А. Самохіна. – Вісник ХНУ, Вип. № 72, 2012. – С. 148-154.
12. Сиганова В.В. Интертекстуальный анализ литературно-художественного дискурса в лингвориторической парадигме: методологический потенциал для образовательного процесса / В.В. Сиганова. – Вестник СГУТикД, № 2(20), 2012. – С. 216-219
13. Чирков Н.М. О стиле Достоевского / Н.М. Чирков. – М., 1967. – 290 с.
14. Шевченко І. С. Ідіостиль і концептуальна ідіосфера автора у художньому дискурсі / І.С. Шевченко. – Вісник ХНУ, № 1003, 2012. – С. 22-27.
15. Perlina N. Varieties of poetic utterance. Ouatation in brothers Karamazov / N. Perlina. – New York. 1985. – 288 p.

УДК 811.161.1'34+811.581

**ассистент кафедры украинского и русского языков
как иностранных. Рожченко З.**

**Киевский национальный университет имени Тараса
Шевченко, Украина**

**КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ
ФОНЕТИКИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ
ПРИ УСВОЕНИИ КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ
АРТИКУЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ РУССКОГО ЯЗЫКА**

**асистент кафедри української та російської мов
як іноземних Рожченко З.**

**Київський національний університет імені Тараса
Шевченка, Україна**

**КЛЮЧОВІ МОМЕНТИ ПОРІВНЯЛЬНОЇ
ФОНЕТИКИ РОСІЙСЬКОЇ ТА КИТАЙСЬКОЇ МОВ
ПРИ ЗАСВОЄННІ КИТАЙСЬКИМИ СТУДЕНТАМИ
АРТИКУЛЯЦІЙНОЇ БАЗИ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ**

**Lecturer at Department of Ukrainian and Russian
languages as a foreign Rozhchenko Z.**

Taras Shevchenko Kyiv National University

**KEY POINTS OF COMPARATIVE PHONETICS OF
RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES IN MASTERING
CHINESE STUDENTS ARTICULATORY BASES OF
RUSSIAN LANGUAGE**

На основі сопоставительного описання звукових систем російського і китайського мов з точки зору їх фонологічної системи і артикуляційної бази виявляються різниця в складі і системі фонем, що ведуть до звукової інтерференції. Особливістю побудови моделі навчання російській фонетиці є певна послідовність введення звуків російського мови.

Ключевые слова: *українсько-російський білінгвізм, міжмовна інтерференція, артикуляція, фонетична система, фонема, склад.*

На основі порівняльного опису звукових систем російської та китайської мов з точки зору їх фонологічної системи та артикуляційної бази виявляються відмінності в складі і системі фонем, що ведуть до звукової інтерференції. Особливістю побудови моделі навчання російській фонетиці є певна послідовність введення звуків російського мови.

Ключові слова: *українсько-російський білінгвізм, міжмовна інтерференція, артикуляція, фонетична система, фонема, склад.*

On the basis of a comparative description of the sound systems of Russian and Chinese languages in terms of their phonological system and articulatory database to identify differences in the composition and the

system of phonemes, identify areas sound interference. The peculiarity of the construction model of learning Russian phonetics is a certain sequence of introducing the sounds of the Russian language.

Keywords: *Ukrainian-Russian bilingualism, interlingual interference, articulation, phonetic system, phoneme, syllable.*

Постановка проблемы. В последнее время количество китайских студентов, изучающих в Украине русский и украинский язык, возрастает. Китайские студенты, получившие образование в Украине, отмечают его высокое качество. При изучении русского языка они часто отдают предпочтение нашей стране перед Российской Федерацией. Следует отметить, что причины этого чаще всего экстралингвистические: благоприятный климат, сравнительная дешевизна образования, близость к европейским странам. Однако для нас важно также, что китайских студентов привлекает также и бóльшая толерантность украинцев. Желательно, чтобы на первом месте в этом списке было именно качество образования. При этом существует объективный фактор, усложняющий как работу преподавателя русского языка, так и обучение студентов: украинско-русский билингвизм и обусловленная им межъязыковая интерференция. Поэтому теоретические работы по изучению взаимодействия различных языков и их практическое воплощение очень важны. Украина может гордиться сложившимися традициями сопоставительной фонетики: в силу объективных причин украинская школа не только не уступала, но и во многом превосходила российскую. Однако, безусловно, традиционно больше изучалось взаимодействие русского и украинского языков с европейскими языками. Сама жизнь подсказывает приоритетное направление современных лингвистических исследований: изучение контактов русского и украинского языков с различными языками Юго-Восточной Азии.

Задачей данной статьи является анализ основных отклонений в артикуляции и произношении китайцами русских звуков. **Объектом** анализа является артикуляция и

произношение звуков китайцами. **Предметом** исследования стали отклонения от орфоэпических норм русского языка.

Изложение основного материала. При освоении китайскими студентами фонетической системы русского языка возникают определённые трудности. Эти трудности обусловлены рядом причин, которые можно разделить на две группы: 1) трудности, вызванные различием в структуре фонетических систем русского и китайского языков; 2) трудности, обусловленные различием в артикуляционных базах двух языков. Преподаватель должен очень хорошо осознавать эти причины, чтобы построить вводный фонетический курс наиболее продуктивно, так как именно в первые несколько недель закладываются основные артикуляционные навыки, которые впоследствии очень трудно изменить. Всегда следует помнить очень важный момент, отмеченный Л. Р. Зиндером: «Говорящий сознательно стремится только к тому, чтобы произнести тот или иной осмысленный отрезок речи (предложение, синтагму, слово), не думая при этом об отдельных фонемах и тем более не отдавая себе отчёта в том, как он при этом артикулирует. Все необходимые для звукообразования движения произносительных органов совершаются автоматически. Точно так же, как для слушающего в слове важна не фонема, а весь звуковой комплекс, из которого слово складывается, т. е. общий облик слова, говорящий как бы задаёт звуковую модель слова целиком, а потом по этой модели и артикулирует соответствующие звуки» [2, с. 223-224]. Таким образом, преподавателю нужно довести до автоматизма произносительные навыки студента в очень короткий срок (до месяца).

Рассмотрим первую группу причин, вызывающих системные отклонения от русской произносительной нормы.

1. Китайский язык относится к языкам силлабического типа, а русский — фонематического. Это значит, что центральной единицей фонетической системы китайского языка является силлабема, реализующаяся в речи в слове.

В русском языке центральной единицей является фонема, реализующаяся в речи в звуке. Вследствие этого носители китайского языка некоторые сочетания фонем воспринимают нерасчленённо (можно предположить, что именно те, которые имеют аналогии с силлабемами китайского языка). Носителям китайского языка трудно произносить закрытые слоги в конце слова, поэтому в их речи часто появляется дополнительный гласный призвук, например: [ст^ула] в слове *стул*, [к^øшел'ока] в слове *кошелёк*. При морфологическом освоении слова это уже приводит к склонению слова по другому типу, и существительные второго склонения изменяются по типу существительных первого склонения. Преподавателю следует осознавать, что эта морфологическая ошибка у китайских студентов имеет фонетическую причину, т. е. является системной. Это значит, что исправив ошибку в склонении только одного слова *стул* и не объяснив причины этой ошибки, преподаватель провоцирует другие ошибки своего ученика. Носители китайского языка также с трудом осваивают сочетания двух-трёх гласных, особенно в начале слова, и тут тоже между согласными появляется гласный призвук, который часто гармонируется с последующей гласной фонемой русского языка: [из А'фирики] – *из Африки*, [закири'ла] – *закрыла*. Здесь снова студенту нужно объяснить отличие в структурах двух языков и подготовить его к тому, что произносительные ошибки могут появиться в других словах.

В китайском языке отсутствует такая просодическая единица, как акцентема, реализующаяся в речи ударением. Студенты-китайцы легко усваивают русское ударение, но не придают ему смыслового значения. Поэтому в их речи часто отождествляются словоформы, например, *узнаю* и *узнаю*, возможно неразличение слов *написа'ла* и *написала*. Не следует опасаться привлечь внимание студента к «плохим словам», как это явствует из последнего примера. Преподаватель не обучает студента бранной лексике, но предупреждает, что так легко можно попасть в неловкое

положение. Студенты-филологи становятся особенно внимательными, и уже никогда не напишут в контрольной работе *существительное* вместо *существительное*, потому что человек обычно отражает в написании слова свои произносительные навыки.

2. В качестве примера трудностей, обусловленных различием артикуляционных баз двух языков, рассмотрим очень часто встречающуюся у китайских студентов ошибку – отождествление в речи русских фонем [р] и [л], а также [р'] и [л']. Вследствие этого студенты могут произносить [ср'ов ϕ] вместо *слово*, и [сл ϕвни] вместо *сравни*, что, скорее всего, отразится и в написании этих слов.

Как следствие невнимания преподавателя к этим проблемам могут возникнуть серьёзные недоразумения. На экзамене по общему языкознанию магистрант из Китая на вопрос: «Какой это звук?» – дал уверенный ответ: «Красный». Неопытный преподаватель возмутился: «Вы хоть понимаете мой вопрос?!» Действительно, уровень языковой компетенции магистранта вызывал у преподавателя серьёзные сомнения. В свою очередь, возмутился таким недоверием студент. Он действительно знал правильный ответ: звук был *гласным*. В данном случае студент заслужил высокую оценку, потому что на экзамене по общему языкознанию оценивались его теоретические знания, а не произносительные навыки. Именно преподаватель обязан их сформировать и предотвратить подобные недоразумения.

Для усвоения правильной артикуляции преподаватель должен чётко осознавать различия в артикуляционных базах двух языков. Китайский язык характеризуется апикальной артикуляцией при произнесении аналогов названных звуков (произнесение при помощи кончика языка, который упирается в альвеолы). Она аналогична английской артикуляции. Для русского языка при произнесении [л] возможен дорсальный вариант (язык распластан, касание к альвеолам производится средней частью). Согласный л артикулируется при помощи уже не касания, а прижатия

средней части языка к твёрдому нёбу). не говоря уже об очень сложных в артикуляции дрожащих какуминальных [р] и [р']. Последний звук усложняется для китайских студентов ещё и несвойственной для китайского языка палатальностью. Для артикуляционной базы китайского языка также очень характерна ретрофлексность, отсутствующая не только в русском языке, но и в большинстве европейских языков. Ретрофлексная артикуляция — это загибание кончика языка назад. В китайском языке так обычно артикулируются шипящие и аффрикаты. Как произносительный вариант ретрофлексный [r] встречается в американской разновидности английского языка. Ретрофлексную артикуляцию китайские часто студенты распространяют на произношение русского [р]. Студентам можно порекомендовать не загибать кончик языка назад, а сдвинуть его вперёд. Это движение легко показать поднятой вверх ладонью со сложенными горстью пальцами: ладонь раскрывается, и точно так же кончик языка сдвигается вперёд. Такое движение также хорошо демонстрирует студентам характерную для русского произношения какуминальность в артикуляции [р] и [р']: передняя и задняя часть языка подняты, средняя часть прогибается вниз.

Для выработки артикуляции хорошо использовать теоретическое описание, предложенное О. И. Глазуновой [1, с. 270-291]:

Согласный [л]. Возможны два варианта произношения этого звука: 1) Кончик языка поднят к верхним зубам. Средняя и задняя части языка приподняты, боковые верхние зубы касаются языка. Губы растянуты, рот приоткрыт. Целесообразно при постановке этого звука подкладывать ручку или другой подходящий предмет под среднюю часть языка. 2) Кончик языка опущен к нижним зубам. Средняя часть языка поднята к альвеолам.

Согласный [л']. Кончик языка касается альвеол. Средняя часть языка поднята и прижата к твёрдому нёбу,

боковые верхние зубы касаются языка. Губы растянуты. Рот приоткрыт.

Согласный [p]. Кончик языка загнут вверх к альвеолам и вибрирует (дрожит) в струе выдыхаемого воздуха. Язык растянут и касается боковых зубов.

Согласный [p']. Средняя часть языка поднимается к твёрдому нёбу, между передней частью языка и альвеолами образуется щель.

Для формирования произносительных навыков одновременно с усвоением лексики можно использовать следующие упражнения, взятые из пособия Л. Г. Пармоновой «Говори и пиши правильно» [3, с. 148-152]: 1. *Тигр храбрый, проворный, красивый, задорный.* 2. *Красный помидор растёт на огороде.* 3. *У горного орла два огромных крыла.* 4. *Металл сваривают, а мусор сваливают.* 5. *Начал солить – не надо сорить.* 6. *Пришёл голод и в этот город.* 7. *В праздничный пир воду я пил.* 8. *Во взгляде укор за больной укол.* 9. *У телёнка рожки, а в тарелке – ложки.* 10. *Один раз мы нашли большой лаз.* 11. *Марина варит малину, а Ирина глядит на Марину. У Марины сварилась малина, глядит на варенье Ирина.*

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Пособие Л. Г. Пармоновой предназначено для формирования произносительных навыков у детей. В нём можно найти много полезных упражнений и для иностранных студентов.

Следует отметить, что сначала следует сформировать навык произнесения только одной фонемы и лишь затем противопоставлять её другой, подобной в артикуляции.

Безусловно, в данной статье лишь намечены основные направления в изучении сопоставительной фонетики русской и китайского языков. Отдельного исследования заслуживает сопоставление других групп согласных: шипящих, смычных и т. д. Неплохо было бы привлечь к фонетическим исследованиям аспирантов из Китая.

Литература

1. Глазунова О. И. Давайте говорить по-русски / О. И. Глазунова. — СПб. : ООО «Издательский дом «Мир русского слова», 2012. — 356 с.
2. Зиндер Л. Р. Общая фонетика : Учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. / Л. Р. Зиндер. — М.: Высш. школа, 1979. — 312 с.
3. Парамонова Л. Г. Говори и пиши правильно / Л. Г. Парамонова. — СПб. : «Дельта», 1996. — 384 с.

УДК 81

Д. филол. н., проф. Шепель Ю. А.
Днепропетровский национальный университет имени
Олеся Гончара, Украина
О ПРЕДЕЛЕ ВАРЬИРОВАНИЯ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИНОНИМИИ
(на материале русского, украинского и английского
языков)

Д. філол. н., проф. Шепель Ю. О.

**Дніпропетровський національний університет імені
Олеся Гончара, Україна
ПРО МЕЖУ ВАРІЮВАННЯ СЛОВОТВОТВОРЧИХ
СИНОНІМІВ
(на матеріалі української, російської та англійської мов)**

**Doctor of Science (Philology), Full professor Shepel Yu. A.
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine
ABOUT THE LIMITS OF VARIATION THE
DERIVATIONAL SYNONYMS
(based on the Russian, Ukrainian and English languages)**

В статье объектом исследования стало соотношение вариантов и языковой нормы. Кроме того, сделана попытка комплексного изучения зависимости функционирования системы и нормы от учета вариантности, соотношения различных видов норм и их отношения к вариантности, видов норм и их кодификации, кодифицированной нормы и реальной нормы, динамичности и вариантности нормы и других вопросов на уровне словообразования.

***Ключевые слова:** словообразование, синонимия, паронимия, вариант, вариативность, словообразовательная вариативность.*

У статті об'єктом дослідження стало співвідношення варіантів і мовної норми. Крім того, зроблена спроба комплексного вивчення залежності функціонування системи і норми від обліку варіантності, співвідношення різних видів норм і їхнього ставлення до варіантності, видів норм і їхньої кодифікації, норми кодифікованої і реальної норми, динамічності та варіантності норми та інших питань на рівні словотвору.

***Ключові слова:** словотвір, синонімія, паронімія, варіант, варіативність, словотворча варіативність.*

In the article object of study was the ratio of options and linguistic norms. In addition, an attempt to study the dependence of the integrated operation of the system and rules of accounting variance, correlation of different types of rules and their relationship to the variance, types of standards and their codification, codified norm and the real rate, dynamic and variance rules and other issues at the level of word formation.

***Keywords:** word formation, synonyms, paronyms variant, variation, variation in word-formation.*

Постановка проблемы и актуальность темы. При изучении процессов функционирования языков исследователю приходится сталкиваться с различными формами вариативности языковых средств, их своеобразной «избыточностью», порождаемой сложной историей каждой языковой системы. Однако, хотя сам факт существования вариативности широко известен, многие связанные с ней вопросы все еще недостаточно рассмотрены. Проблема вариативности стала в последнее время предметом исследования многих лингвистов. Обусловливается это тем, что она до сих пор остается малоосвещенной как в теоретическом, так и в практическом плане. Так, не разрешен еще вопрос о границах изучаемого объекта, не определено его место в системе научного описания языка. Варьирование слов относят то к компетенции истории языка (смена вариантов), то к стилистике (функционирование сосуществующих вариантов), то к ведению социальной лингвистики (социальная стратификация вариантов). Мало изучена хронология возникновения и прекращения варьирования структурно и генетически различных языковых единиц. Спорной остается общая (часто альтернативная) оценка самого факта вариативности: польза или вред для социального использования языковых средств. В настоящее время в науке установлено, что вариативность — это объективное следствие языковой эволюции, неременный атрибут живого литературного языка. Однако многие словари современного языка согласно требованиям неосведомленной публики о законах развития языка и его сложной внутренней организации стараются пойти по пути предельного сокращения вариантов. Лингвистов призывают устранить колебания, стандартизировать язык. Однако, как отмечает К. Г. Горбачевич, искусственный прием приглушения языка является вынужденной (при ограниченном объеме словаря) и далеко не всегда эффективной мерой. Само же требование абсолютной инвариантности норм не

способствует современному состоянию литературного языка [1, с. 3].

Общепризнано, что язык представляет собой не единую систему, а совокупность взаимодействующих подсистем. Выделение подсистем является особо существенным при изучении лексико-семантической системы языка, так как слова, как правило, многозначны, и в одну подсистему слово входит с одной совокупностью значений, а в другую — с другой. Поэтому одни и те же элементы могут находиться в разных подсистемах в различных отношениях. Вполне логично предположить, что и синонимические отношения между словами в разных подсистемах будут различными и поэтому их необходимо изучать с учетом конкретных подсистем.

В статье речь пойдет о границах "формального", внешнего варьирования производного слова (в широком смысле термина диалектный, причем, как позволяет название статьи, **объект** анализа ограничен лексико-словообразовательными вариантами слова.

Изложение основного материала. Одна из важнейших особенностей деривационной подсистемы, как промежуточного звена между грамматикой и лексикой, состоит в том, что их доминантные означающие — аффиксы, будучи более зависимыми от лексической индивидуальности мотивирующих единиц, способны «распределяться» по разным и часто весьма далеким друг от друга классифицирующим значениям, то есть развивать в себе резко выраженную полисемию. В результате этого возникает развитая синонимика разных суффиксов. Не только материально родственные, но и материально неродственные аффиксы организуют лексически разный материал в пределах одного и того же деривационного значения. так создается поле, основанное на знаковом различии средств одного уровня (суффиксации ∨ префиксации). Выражение одного и того же общего значения материально разными словообразовательными аффиксами дает

словообразовательное поле. Апеллируя к значениям производных, мы получаем и соответствующую систематизацию значения.

Традиционные взгляды на вопросы взаимодействия физической и функциональной стороны словообразовательных явлений находят выражение в признании фонетических вариантов (обязательное физическое сходство) [59], морфологических вариантов (различие определяется морфологическими признаками) [120] и синонимических вариантов (физическое тождество не является элементов варьирования). При этом как вариантные, так и синонимические форманты обладают рядом тождественных признаков: единством словообразовательного значения; наличием отношений свободной или дополнительной дистрибуции; различной стилистической функцией.

Средством разграничения служит критерий генетической общности, ощущаемой носителем языка: вариантные форманты обладают генетической общностью, для синонимических аффиксов наличие генетических связей безразлично. Последний критерий, однако, нейтрализуется соображениями о необходимости разграничивать диахронический и синхронический подходы в идентификации словообразовательных явлений. Иными словами, понятие вариантности поглощает понятие синонимии. Н. М. Шанский отмечает: «Под вариантными морфемами следует понимать такие значимые части слова, которые, являясь синонимическими и генетически родственными, различаются между собой (при разном звучании) или стилистическом, или в словообразовательном отношении» [130, с.284]. Обратимся к примерам.

Как в украинском, так и в русском языках широко употребляются прилагательные на =ит=, =ист=, =аст=, ср.: укр. *лобатий, череватий, хвостатий, волосатий; властий, гіллястий, ікластий; жолудистий, мозолистий, вовнистий* и др.; рус. *зобастый, горластый, бородастый,*

волосастый; зобастый, бровастый, сучкастый, ветвистый, мускулистый, морщинистый и др.. Общее словообразовательное значение суффиксов =*ат*=, =*аст*=, =*ист*= тождественно – «какой имеет что-нибудь в большом количестве, наделенный чем-нибудь чрезмерно», например, *носатый // носатий* – «с большим носом», *зубатый // зубастый* – «который имеет большие, острые зубы или много зубов». В этом значении «чрезмерности» в величине, размере, силе и т.д. суффиксы =*ат*=, =*аст*= в обоих языках почти равнозначны. Это сближает словообразовательные ряды на =*ат*=, =*аст*=, что подтверждается наличием большого количества параллельных прилагательных на =*ат*=, =*аст*=, образованных от одной именной основы, ср.: укр. *зубатий / зубастий, броватий / бровастий, гриватий / гривастий*; рус. *зубатый / зубастый, носатый / носастый, усатый / усастый* и пр. Вместе с тем постепенное сближение рядов на =*ат*=, =*аст*= в современном русском и украинском языках, выражающееся в стирании отличий в значениях прилагательных на =*ат*=, =*аст*=, к выравниванию значений, приводит к постепенному сокращению объема этих рядов за счет сокращения таких пар производных. Так, в современном украинском языке сейчас превалирует ряд на =*ат*=, производные составляющие которого не имеют или имеют редко употребляемые параллелизмы на =*аст*= . В русском же языке, наоборот, объем ряда на =*аст*= превалирует над объемом ряда на =*ат*=.

Что касается рядов на =*ист*= , то в украинском языке, в отличие от русского языка, производные этого ряда отождествляются по своему значению с рядом на =*аст*= и функционируют в виде параллелизмов. Так, в украинском языке значительное количество прилагательных на =*ист*= имеет параллельные образования от тех же именных основ с тем же значением, что и с суффиксом =*аст*=, ср.: *стовбуристий – стовбурастий, дуплистий – дупластий, іклистий – ікластий*. В русском языке, как правило, одной

производной основе соответствует только один из рассматриваемых суффиксов. Вместе с тем, заметим, что в украинском языке наметилось сокращение объема параллельного функционирования производных рядов на =*аст*=, =*ист*=. Некоторые прилагательные на =*ист*= по данным «Словника української мови» (К., 1975) устанавлюють відповідуючі паралелі тільки історично: *кігті* – *кігтистий* (*кігтястий*), *плечі* – *плечистий* (*плечастий*).

Включення в склад суффіксального взаємодіяння словообразовательних формантів, які мають не тільки фізичною близькістю, але і ознаками синонімічності, здавалося б, знімає протиріччя між словообразовальною варіантністю і синонімією. В той же час проблемним залишається питання про межі варіантних і синонімічних словообразовательних елементів, а, відповідно, питання про словообразовальну варіантність і синонімію.

Однак область синонімічних суффіксів, інтегруючих в ряд словообразовательних інваріантів, обмежується вимогами як семантичного, так і фізичного тотожства.

То єсть, в об'єм словообразовательного інваріанта входить тільки частина елементів синонімічного ряду. Стремління протиставити варіантні і синонімічні словообразовательні компоненти виходить з передположення можливості інтеграції їх як конкретних опозитивних явлень, ср.: «От суффіксальних варіантів, являючихся морфемами не тільки одного і того ж значення, але і генетично спорідненими, слідует чітко отримувати синонімічні суффікси. Синонімічними суффіксами можна назвати такі суффікси, які мають загальні значення, які єть або сприймаються з точки зору «звукового оформлення» як абсолютно самостійні морфем» [130, с. 93]. Протиріччя твердження знімається в відомій

степени иллюстративным материалом, свидетельствующим в пользу инклюзивности синонимов по отношению к вариантному словообразовательному ряду (например, суффиксы =ни(е) и =ени(е) Н. М. Шанский называет не только генетически родственными, но и синонимичными).

Другой вектор соотношения словообразовательной вариантности и синонимии стал предметом научного исследования И. С. Улуханова [120, с. 87-96]. Эквивалентные словообразовательные отношения квалифицируются ученым как парадигматические связи в системе языка между единицами словообразования, которые имеют как общие, так и различные свойства (семантические, формальные и др.). Поэтому словообразовательная парадигма отождествляется с синонимическим объединением аффиксов (производных), совпадающих в одном или нескольких значениях. Таким образом, между категориальной инвариантностью и синонимией ставится знак равенства.

Третья точка зрения на границы словообразовательной вариантности и синонимии нашла отражение в работах Г. С. Зенкова. Он утверждает, что если все варианты суффиксы являются в то же время и синонимическими, то их противопоставление вообще теряет силу. «Вариантность и полисемия лежат хотя в связанных между собой, но все-таки в разных плоскостях: категория вариантности по своему значению относится к сфере эмотивно-экспрессивной функции языка. Категория синонимии – к сфере эмотивно-экспрессивной функции» [49].

Словообразовательная синонимия при таком подходе рассматривается как стилистическое явление, наслаивающееся на словообразовательное тождество.

Проблема словообразовательной синонимии имеет подчиненный характер по отношению к проблеме словообразовательной вариантности / инвариантности. Но нельзя не учитывать и универсальности явления синонимии, обслуживающей все уровни языка.

Если пределом варьирования словообразовательной семантики является полисемия, то пределом варьирования физической стороны функциональной словообразовательной единицы следует признать синонимию.

Словообразовательная синонимия теснейшим образом связана с семантической словообразовательной вариантностью, хотя и не сводится к ней. Тем более словообразовательная синонимия не может быть ограничена стилистическим аспектом языка, так как представляет собой совокупность словообразовательных типов (производных), которые тем более сопоставлены одному категориальному словообразовательному значению.

Особенности семантико-словообразовательных отношений между синонимичными производными проявляются в процессе изучения их внутренней сочетаемости. Определение внутренней сочетаемости слова предусматривает исследование закономерности валентных связей языковых единиц, которые имеют как план выражения, так и план содержания. Такими единицами при словообразовании выступают аффиксы и производящие основы [5, с.404; 151, с.17-25].

При анализе прилагательных с общей основой (корнем) Л. Б. Алефиренко предлагает различать лексико-словообразовательную и деривационную синонимию [5, с.61].

Под деривационной синонимией понимаются синонимические отношения между словообразовательными аффиксами, сочетающимися с разными производящими основами, например: *нещасный, безкрай, supersensible, preferhuman, multilingual, polyvalent, beautiful, respectful*. В приводимых исследователем словах как синонимичные рассматриваются префиксы *multi=, poly=, super=, prefer=*, так как в сочетании с соответствующими производящими основами они репрезентируют одинаковое словообразовательное значение «чрезмерность, интенсивное проявление признака». В лексико- словообразовательных

производных *нещасливий, безкрайї* префиксы *не=, без=*, согласно Л. Б. Алефиренко, образуют синонимическое словообразовательное значение, так как указывают на отсутствие определенных свойств или признаков. Подобные семантические отношения деривационных аффиксов полностью отвечают представлению о языке как «замкнутой цепи, где граничные звенья, соединенные друг с другом, частично определяются общими элементами, которые по одним признакам объединяются в одно звено, а по другим – в следующее, соседнее» [151, с.14].

Сочетание синонимичных аффиксов с той же основой образует, по мнению Л. Б. Алефиренко, лексико-словообразовательные синонимы: *братний – братский, безупинний – невпинний, верткий – вертлявий; mighty – mightful, brutal – brutish, monotonic – monotonous*. Анализируя семантико-словообразовательные отношения между членами лексико-словообразовательного синонимического ряда *братний – братский*, исследователь показывает, что ядром значения лексико-словообразовательных производных является семантика производящей основы *брат*; сочетание же этой основы с синонимичными деривационными суффиксами *=н=, =ск=* вносит в семантику данных лексико-словообразовательных дериватов дифференцирующие смысловые элементы. Так, кроме общего, первый член синонимического ряда *братний* приобретает еще значение «который живет в братстве, в братском союзе» (*братний народ; братня республіка*), а лексико-словообразовательный синоним *братський* – значение «проникнутый чувством любви, дружбы; который выражает общие интересы» (*братський союз, братская дружба; братські взаємини*).

Справедливым будет отметить, что подобные лексико-словообразовательные единицы в языкознании оцениваются неоднозначно: одни ученые считают их синонимичными словами, другие – лексико-словообразовательными вариантами одного и того же слова (А. П. Евгеньева,

Ф. П. Филин, И. И. Ковалик, Л. О. Роднина, С. М. Железная, Р. П. Рогожникова).

Лексико-словообразовательные варианты характеризуются рядом отличительных признаков: (а) идентичностью лексических и грамматических признаков, (б) образованием в следствие сочетания однокоренных основ с формообразующими аффиксами или путем морфологической вариативности каких-либо элементов слова; (в) пребывание алломорфов в отношении дополнительной дистрибуции [54, с. 70], а также материально выраженной лексико-семантической общностью и вместе с тем несоответствием между материальными, звуковыми отличиями и отличиями лексико-семантическими, когда первые не выражают последних, например: *мандариновый* – *мандаринный*, *апельсиновый* – *апельсинный*, *inmost* – *innermost*, *impractical* – *unpractical*, *derisive* – *derisory* и т.д.

Таким образом, в основу выделения лексико-словообразовательных синонимов кладется два критерия – семантический и функционально-дистрибутивный.

По семантическим свойствам эти единицы нельзя считать вариантами одного и то же слова, так как для этого они должны были бы характеризоваться полным тождеством лексических значений. Анализируемые производные, как показывает компонентный анализ их семантической структуры, отличаются общностью только отдельных слов, что позволяет квалифицировать их как лексико-словообразовательные (словообразовательные) синонимы. Так, укр. производные *возничий* и *знатний* соотносятся не во всем объеме своей семантики. Прилагательные имеют общий семантический компонент «какой выделяется среди других какими-нибудь особенными чертами...», а дифференцирующим компонентом есть «заслуживающий внимания, чудесный» в первом слове (*возничий*) и «родовитый» — во втором (*знатний*).

Семантические признаки словообразовательных синонимов определяются также и на уровне их

функционально-дистрибутивных свойств, в основе которых лежит принцип сочетаемости данных дериватов с другими словами в предложении, и также сочетаемость деривационных аффиксов с производящими основами. При этом необходимо учитывать внешнюю и внутреннюю сочетаемость однокорневых синонимичных производных. Под **внешней сочетаемостью** понимается способность слова актуализироваться в предложении, под **внутренней** — его внутренняя словообразовательная структура.

Наблюдения исследователей над внешней сочетаемостью анализируемых производных показывают, что в отличие от лексико-морфологических вариантов слова, которые характеризуются одинаковой сочетаемостью, словообразовательные синонимы имеют разную сочетаемость. Например, в английском синонимичном ряду *childlike* – *childish* прилагательное *childish* сочетается с существительными, обозначающими негативные черты характера взрослых: *childish petulance (helplessness)* «детская капризность»; производное же *childlike* сочетается с существительными, обозначающими положительные черты характера взрослых: *childlike innocence (straightforwardness)* — «детская невинность (открытость, откровенность, непосредственность)».

В украинском языке производные *латвійський* // *латиський* вступают в синонимические отношения при сочетаемости с существительными со значением субъекта, ср.: *латвійський (латиський) народ, нація, народність, студенти, пролетаріат*.

Производные *систематичний* // *системний* // *систематизований* в сочетаемости с существительными объекта действия также вступают в синонимичные отношения, ср.: *систематичні* // *системні* // *систематизовані перевірки, рейси, бунти*. Остановимся более детально на словообразовательных моделях, включаемых в словообразовательные поля синонимии при

пересечении словообразовательных рядов в русском и украинском языках.

Выводы. Теория «поля» является одной из сторон системного анализа языковых фактов.

Поскольку словообразовательное поле не связывает себя тождеством форманта, в основу анализа кладется тождество значения. Словообразовательный формант приобретает значение, которое повторяется в словообразовательном ряду производных *слов*. Многоступенчатая иерархия однокорневых производных создает условия для их различной интерпретации. Наличие в обоих языках большого количества структурных синонимов типа *стовбовитий – стовбуристий— стовбуратий, дірчастий – дірчавий // мишастий, мишавий, мишаний; костистий – костлявий* свидетельствует о развитии динамических процессов в системе прежде всего словообразовательных типов и далее – в системе словообразовательных рядов.

Ярко выраженная дублетность вызывает стремление к ее преодолению, которое порождает направление такой языковой эволюции, как тенденции к стилевой дифференциации дублетов и тенденцию к семантической дифференциации.

Литература

1. Горбачевич К. Г. Нормы современного русского литературного языка: Пособие для учителей / К. Г. Горбачевич. — М. : Просвещение, 1978. — 240 с.

Наукове видання

ЛІНГВІСТИКА. ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЯ

Збірник наукових праць

Том 8

Українською, російською та англійською мовами

**Свідоцтво про державну реєстрацію
державного засобу масової інформації
серія КВ № 18253-7053Р від 05.09.2011**

Редакційна колегія не завжди поділяє позицію авторів

Окремі статті друкуються в авторській редакції

*За зміст статті та точність викладеного матеріалу відповідальність
покладається на авторів*

Усі права застережено

Використання матеріалів – з дозволу редакційної колегії

Відповідальний редактор *Панченко О.І.*

Оригінал-макет *Шепель Ю.О.*

Технічний редактор *Шепель Ю.О.*

Підп. до друку 22.12.14. Формат 60x84¹/₁₆. Спосіб друку – плоский.

Ум. друк. арк. 9,66. Тираж 100 пр. Зам. № 1113-3/02.

Видавець та виготовлювач СПД Біла К. О.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів видавничої справи

ДК № 3618 від 06.11.2009

Надруковано на поліграфічній базі видавця Білої К. О.
Україна, 49000, м. Дніпропетровськ, пр. К. Маркса, 111, оф. 17
тел. +38 (067) 972-90-71